

С. И. СОЛДАТОВ

СЕРГЕЙ СОЛДАТОВ

НАСЛЕДИЕ И АРХИВ

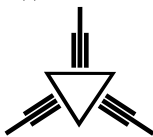
ТОМ ДЕСЯТЫЙ

СОЛНЦЕ

Биографические очерки

Таллинн 2005

Книги данной серии подготовлены издательством West-Ost Renaissance в 80-е годы.

EDITION
WEST-OST RENAISSANCE

Содержание десятого тома

В ЛУЧАХ ЗАХОДЯЩЕГО СОЛНЦА	5
В КЛЕЩАХ ГОЛОДНОЙ СМЕРТИ	59
ЖИЗНЬ ЛЮДМИЛЫ РОСЛАВЦЕВОЙ	82

Том десятый входит в серию "Наследие и архив С. И. Солдатова". Сборник подготовлен С. Солдатовым.

Автор и редактор С. Солдатов

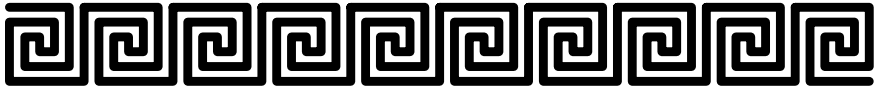
Корректура Грюнберг-Солдатовой Л.

Макет и оформление Кийренд. М.

Грюнберг-Солдатова Людмила

ISBN 9949-13-157-X

Таллинн 2005

Посвящается всем добрым людям Земли

В ЛУЧАХ ЗАХОДЯЩЕГО СОЛНЦА

Заметки изгнанника

*„Auf die Berge will ich steigen,
wo die freien Winde wehen . . .“*

J.W. Goethe

*„Духовной жаждою томим
В пустыне знойной я влачился . . .“*

А. Пушкин. „Пророк“

ГОД ПЕРВЫЙ

ИЗГНАНИЕ. ПРИЕЗД В ГЕРМАНИЮ. ЗНАКОМСТВО С ЗАПАДНОЙ И СЕВЕРНОЙ ЕВРОПОЙ

Вдетские и юношеские годы, вплоть до поступления в Ленинградский Политехнический институт, я много, иногда целые ночи напролёт, читал. Я читал не только отечественную литературу, среди которой преобладала классика 19-го века. Но и мировую литературу, которую удавалось доставать или находить в библиотеках. Я читал хаотично, без разбора и определённой системы.

В книгах русских писателей, в книгах Ф. Купера и Дж. Лондона, У. Теккерея, Ч. Диккенса, А. Дюма и Э. Золя, О. Де Бальзака и Г. Де Мопассана, С. Цвейга и К. Мая, Данте Алигьери и Раффаело Джованьоли и многих других изображался загадочный и недоступный мне зарубежный мир. Углублялся я и в мировую историю, которую очень любил. Всё это породило в моей душе тайную мечту когда-нибудь воочию увидеть и познать этот таинственный мир. Сколько раз за свою жизнь проклинал я державные силы, захватившие страну, где я родился, наглухо закрывшие мне путь на Запад, лишившие возможности, хотя бы раз в год, в качестве гостя во время отпуска, посетить страны, манящие и привлекающие меня к себе. . .

Я был твёрдо убеждён, что пока существует советский строй, повернувшийся спиной к человечеству, отгородившийся от него железным занавесом, моей мечте никогда не сбыться. Эти страны часто снились мне и представлялись в фантастическом свете, почти в сказочном ореоле. Мне часто снилось, например, что я тайно пересекаю границу, а меня ловят и ведут на расправу. .

Но даже в самом диковинном и невероятном сне мне никогда не снилось, что когда-то, на закате дней своих, после долгих лет заключения и на исходе жизненных сил, потеряв очаг и землю, родных и друзей, потеряв всё, кроме желания содействовать улучшению жизни на земле, я вместе с Людмилой буду „заряжён“ в некое дальнобойное

орудие и „выстрелян“ на Запад. Так когда-то в романе Ж. Верна „Полёт на луну“ „выстреливали“ на Луну людей. . . И вот всё это, по не до конца разгаданному замыслу Господнему, всё-таки свершилось. Выстрел грянул, и недобровольная „высадка“ на Луну, а на Запад произошла.

Ещё в лагере 3-5 в пос. Барашево Мордовской АССР, в тюрьме КГБ в Саранске, в Центральной тюрьме города Таллина („Батарее“) работники советской политической полиции – КГБ, вызывая на допросы-беседы, заявляли мне, что заключение меня не исправило, к советскому государству я настроен враждебно и такие враги советскому обществу не нужны и поэтому мне откроют „зелёный путь на Карфаген“. Как потом мы с моими друзьями-соузниками догадались, „Карфаген“ символизировал мир, обречённый, предназначенный к уничтожению. Это была совершенно новая тактика КГБ. До этого, т.е. в 1978-79 г.г. до меня в лагере доводились намёки, что мне уготована скорая „встреча с Марксом“. Это допускало лишь одно толкование – обречён и предназначен к уничтожению я сам.

Что касается меня, то эту игру в „Карфаген“ я воспринимал как неумную провокацию, неуклюжую попытку выведать мои намерения и настроения. Сам же я, изнурённый долгой борьбой, измотанный многолетним заключением и потерявший здоровье, ни о каком выезде на Запад даже и не помышлял. Я мечтал лишь посылно продолжить мою борьбу, опубликовать на Западе некоторые мои духовные и общественные работы и, наконец, если придётся, достойно умереть на родине. Да и кому я нужен на Западе, без языка, друзей и работы, в чужой стране, где и своих то хлопот полон рот – думал я. Да и наслаждаться благами, созданными и достигнутыми другими народами, казалось делом мало привлекательным и не очень благородным.

И своим поведением я подтверждал такое отношение к выезду на Запад. За полгода до конца шестилетнего срока, в июле 1980-го года, в лагере 3-5 в пос. Барашево, я со некоторыми своими друзьями начал политическую забастовку, протестуя против проведения Олимпиады в Москве, вторжения в Афганистан и вмешательства в дела Польши. Последние шесть дней заключения, в конце декабря 1980-го г. и в начале 1981-го г., я провёл голодовку. В заявлении на имя Верховного Совета СССР я написал, что каждым днём голодовки я протестую против каждого года моего незаконного шестилетнего заключения.

Когда в январе 1981-го г., я, шатаясь и еле стоя на ногах, вышел за ржавые железные ворота таллинской тюрьмы, то кроме радости встречи с Людмилой и друзьями, ожидавшими меня всю ночь до десяти утра перед тюрьмой и продрогших до костей, я нёс в себе ещё и тайную мысль. Я был почти уверен, что не истечёт этот год, что не успеют пробить Кремлёвские куранты в ближайшую новогоднюю ночь, как эти же сумрачные ворота гостеприимно . . . нет, – жертвоприимно снова распахнуться передо мной и захлопнутся уже, возможно, что навсегда.

Это не особенно страшило меня, ибо верующему человеку смерть есть конец одной и начало другой, ещё неведомой жизни. До боли в сердце было жаль лишь Людмилу, которая вложила столько душевных и телесных сил в мою жизнь, столько перенесла и так упорно боролась за нашего, осуждённого на пять лет, сына Александра и за меня самого. Новая разлука, скорее всего, была бы для неё очередным страшным ударом судьбы и сулила встречу уже лишь в мире потустороннем.

Итак, я вышел из заключения по окончании срока в январе 1981-го г. Власти „милостиво“ разрешили жить мне в Таллине и прописали к Людмиле. Но поставили под административный надзор, что представляет собой форму домашнего ареста. Запрещалось отлучаться из дому после конца рабочего дня, в вечерние и ночные часы, появляться в общественных местах, выезжать за черту города, устраивать дома „сборища“. Каждую неделю надо было лично отмечаться в отделении милиции, вечером часто приходили незваные гости – офицеры милиции, дружинники, военные патрули и чины КГБ в штатском. Проверяли, дома ли я. Им достаточно было два – три раза, в неурочный час, не застать меня дома, как я снова был бы водворён в тюрьму и лишён свободы до 3-х лет. Страдая тяжёлым сердечно-сосудистым заболеванием, я пытался лечиться. Ещё с лагеря я имел третью инвалидную группу и на этом основании, до поры до времени, избегал принудительного труда. Трусливые врачи Тынисмяэской поликлиники отказывались мне, бывшему политзаключённому, дать справку, которая позволила бы мне или не работать, или работать в облегчённых условиях. И милиция всё бесцеремоннее оказывала на меня давление, требуя устроиться хотя бы кочегаром или ночным сторожем. Я отказывался и ожидал новых преследований. Но на земле существуют не только темные силы и люди, пособничающие злу. Через круги эстонской церкви высококвалифицированные эстонские врачи

больницы работников водного транспорта тайно, в частном порядке, подвергли меня такому тщательному медицинскому исследованию, которое выпадает, вероятно, на долю одних лишь членов советской номенклатуры. Что и говорить, несмотря на самоотверженные усилия Людмилы по восстановлению моего здоровья, дела мои были плохи. Сердце, кровеносная система, кровяное давление, нервы, почки были за шесть лет „исправления“ в ГУЛаге основательно подорваны. Милиция же твердила одно: „Когда начнёте работать?“

А я уже работал – писал дома на тонких папиросных листах сборник „Зарницы возрождения“, в котором обобщал свой опыт заключения, организовал отправку его и других материалов на Запад, принимал гостей – единомышленников и сочувствующих, отвечал на многочисленные письма друзей, как на родине, так и за границей. Приходило много посылок из-за границы. И я вместе с Людмилой ещё раз благодарю за моральную и материальную поддержку наших отечественных и зарубежных друзей различных национальностей. Да благословит их Господь!

Наша квартира стала местом паломничества многих друзей из религиозных и правозащитных кругов, как из Эстонии, так и из других мест Советского Союза.

Но такая размеренная жизнь продолжалась недолго. Не прошло и пары месяцев как начались вызовы в КГБ, где уже недвусмысленно требовали выезда за границу. Чины КГБ намекали, что они бессильны что-либо изменить, ибо наша с Людмилой судьба решена в „центре“, т.е. в Московском управлении. На наше требование дать нам возможность дожидаться хотя бы выхода сына Александра, осуждённого в 1976-м году на пять лет, последовал отказ. Срок заключения Александра кончился в августе того же года, и мы сообщать могли бы тогда обсудить, что делать дальше. Но КГБ оставался непреклонным, намекнул на возможность насильственного выдворения, а сына обещали в августе месяце отпустить вслед за нами.

Что оставалось делать? Выйти с демонстрацией протеста на Ратушную площадь Таллина? Или подчиниться насилию правительственного решения? Родные и друзья советовали не начинать борьбу, ибо было ясно, что поступят с нами также как в 1974-м г. с А. Солженицыным и

в 1979-м г. с В. Борисовым, т.е. насильно посадят в самолёт и выдворят. Так была занята выжидательная позиция.

11-го мая 1981-го года нас с Людмилой внезапно вызвали в ОВИР МВД ЭССР на улице Хобузе и торжественно зачитали постановление ПВС СССР о лишении нас советского гражданства, предложив в шестидневный срок покинуть пределы СССР. Контрольно-пропускным пунктом была назначена Москва, аэродром Шереметьево. Хмуρο выслушав сообщение и сухо уточнив детали навязанной нам процедуры, мы покинули здание – вчерашние советские граждане и нынешние граждане всего мира. Мы никогда в прошлом не просили присваивать, а в настоящем – отнимать у нас советское гражданство. Всё это решила за нас советская власть, нимало не интересуясь нашими желаниями.

Началась бешеная суета по раздариванию, развозу, продаже и упаковке вещей, по оформлению документов и сдачи квартиры, началось тягостное прощание с друзьями и родными. Эти шесть дней были сплошным адом, ибо за этот малый срок надо было уничтожить полувековые плоды двух жизней, точнее двух наших семей. До сих пор удивляюсь – как всё это не кончилось сердечным приступом, хотя мне было очень плохо.

Затем мы выехали в Москву и попрощались там с друзьями-диссидентами. С сыном нам попрощаться не дали.

17-го мая, таможня Ленинградского вокзала города Москвы. Целый ящик вещей не пропускают. Не пропускают и все рисунки Людмилы, в том числе нарисованные ею графитом прекрасные портреты Иисуса Христа, Будды, Махатма Ганди, Владимира Соловьёва, Тейярд де Шардена, Ауробинда Гхоша, Фридриха Ницше, Альберта Швейцера, Николая Бердяева и других мыслителей и вероучителей оказавших на меня сильное влияние. Оказывается штамп отдела культуры Таллинского Горисполкома стоял лишь на запечатанном сургучём конверте с рисунками, а „должен“ был стоять на каждом рисунке в отдельности. Правая рука советской бюрократии часто не знает, что делает левая. Пришлось передать их, а также все вещи Асе Великановой.

Затем 18-го мая, аэродром Шереметьево. На аэродроме не пропустили ещё и пишущую машинку с латинским шрифтом, которую мы тут же

передали Диме Леонтьеву. У Людмилы отобрали несколько украшений и золотые часы, которые тоже были отданы Диме Леонтьеву. Затем нас раздельно, отводя в особые комнаты аэропорта, где раздевают догола и ощупывают каждый шов нашей одежды, дабы удостовериться – не везём ли мы с собой шпионских сведений или микрофильмов-рукописей. Последний пинок страны родной.

Далее широколицый пограничник медлительно и важно проверяет наши зелёные выездные визы, сверяя их с какими-то своими списками, после чего безмолвно пропускает нас к самолёту. На наших визах стоит отметка „СУ“, что мы расшифровываем, как „специальное указание“.

Самолёт „ТУ-134“ явно недогружен, но вокруг нас внушительно рассаживаются шесть молодцов в штатском очень решительного вида. За что же такая честь? Бояться ли, что сбегим? Или в страхе перед капиталистическим „адам“ захватим самолёт и повернём его обратно на Москву? Через полтора часа – аэродром Швехат, Вена. Шестеро буквально конвоируют нас до поджидающей группы толи австрийских пограничников, толи израильских солдат, вооружённых автоматами. И убедившись, что автоматчики взяли нас под свой неусыпный надзор, шестёрка таинственно исчезает, словно растворившись в весеннем воздухе. Затем под конвоем, в автобусе „ХИАС“, нас везут в транзитный лагерь для эмигрирующих из СССР. Лагерь окружён высокой бетонной стеной, на вышках стоят вооружённые часовые и слышен лай овчарок. Что-то очень знакомое! Первый день в свободном мире начинается с лагеря – иронически думаю про себя. Очень символично!

Население лагеря, главным образом, советские евреи, эмигрирующие в Израиль и в США. Публика интеллигентная, живая и какая-то свойская. Все оживленно делятся своими планами, знаниями и сомнениями, много спрашивают нас и охотно дают полезные советы. Обращение работников „Сохнута“ – вежливое, пища – скромная, „кошерная“, но хорошая. В спальных помещениях – двухэтажные нары, но постели мягкие и кругом чистота. Нас отделяют от остальных, ибо в нашу судьбу вмешиваются эстонские эмигрантские организации.

Через два дня нас выпускают из лагеря, у ворот которого нас ждут со цветами эстонский композитор Арво Пярт и его жена Нора. Они около года живут в Вене. Заботу о нас берёт теперь на себя ИРС, т.е. международная комиссия по помощи беженцам, выдающая нам

скромные суточные на пропитание. Сначала нас везёт в свою квартиру для беженцев Л. Рудкевич – сам по себе добрый и симпатичный человек. Но здесь же начинаются и удручающие впечатления. Пока я рано утром с А. Пяртом ездил в ИРС, произошло следующее. Людмила утром встала и пошла на кухню. Когда она вернулась, то в нашей кровати спал уже кто-то другой, богатырски храпя. Людмила ушла в соседнюю комнату, в отчаянии легла на пол под роялем и горько заплакала. Так воочию началось бездомное скитание на чужбине.

Всё это привело к тому, что уже в этот же день супруги Пярты взяли нас на несколько дней к себе и поселили в гостиной. Мы прожили у них четыре дня. За это время нас навестили сотрудник радио „Свобода“ Юри Эстам, представители австрийского Эмнести Интернейшнл /AI/, советские диссиденты Кронид Любарский и его жена Галина Салова. От них мы получили первоначальную информацию о жизни на Западе. Затем мы купили билеты и поехали в Неизвестность.

Началась скитальческая жизнь изгнанников, полная неопределенности, неожиданностей, богатая сюрпризами и бедная перспективами. Мы приехали в Зальцбург. В дороге немецкая женщина из Ингольштадта, узнав, что мы эмигранты с Востока, дала нам, несмотря на возражения с нашей стороны, сто швейцарских франков. Ещё раньше австрийские молодожёны – гости Пяртов, и находящийся в Вене с супругой Рейн Пуусепп также помогли нам. Это было очень трогательно!

В Зальцбурге нас ожидал молодой активист AI, который отвёз нас на пограничный пункт – Вальзерберг. Оттуда нас отвезли в баварскую пограничную полицию в городе Бад Райхенхалл, где нас обыскали и вежливо допросили. Затем нас поселили в гостинице в пограничной деревушке Ауфхам. Мимо неё, с одной стороны, проходил автобан Мюнхен-Зальцбург, а с другой стороны – высились серо-синие Альпы, на вершинах которых часто курились облака. Людмиле здесь очень понравилось, и она душевно немного пришла в себя.

Ещё через четыре дня нас отправили в Мюнхен, где, в виде исключения, разрешили ждать решения по нашему заявлению о предоставлении нам политического убежища. На перроне вокзала в Мюнхене нам устроили торжественную встречу. Нас встречали представители немецкого AI, опекавшие меня все эти годы, сотрудник радио „Свобода“ Ю. Шлиппе, эмигранты Лера и Егор Давыдовы, Кронид Любарский, его жена Галина

Салова и другие. Первые три дня мы остановились у Любарских, где нас навестил представитель эстонских кругов доктор Ольгерд Ауле. Он впоследствии много поможет нам.

Затем мюнхенский Социаламт (служба помощи бездомным и бедным) предоставил нам комнату в 12 кв. метров с душем в коридоре, в чистеньком пансионе „Швабингер Блайбе“, которую оплачивал, и выдал мне на одежду, пропитание, транспорт и другие расходы – 365, а Людмиле 295 марок, итого 660 марок в месяц. На это с трудом, но прожить можно было (немецкий рабочий в среднем получает чистыми около 2200 марок). Немецкая социальная служба нас поддержала. И всё-таки мы оказались за границей без очага, без работы, без языка, без родных, и, на первых порах, без друзей. Кругом чужие люди и непривычный образ жизни. Это переживалось очень тяжело.

В таком трудном, душевном и материальном положении мы всё же не были брошены на произвол судьбы. Нам помогли лишь немцы и эстонцы. Русские эмигранты всех трёх волн, которых в Мюнхене и в Германии немало, тогда, на первых порах, не помогли нам ничем. Хотя приезжали знакомиться и говорили приветливые, бодрящие слов. Я часто спрашиваю себя – куда же девалась, пропала пресловутая русская отзывчивость, доброта и сострадание к обездоленным, тем более у православных русских? И откуда взялась отзывчивость и готовность помочь у „равнодушных“ и „скуповатых“ немцев, у „суровых“ и „холодных“ эстонцев, какими их рисуют. Нам помогла обзавестись самым необходимым Моника фон Пляте, передала единовременное денежное пособие фрау Элизабет Курц (AI), снабдил какой-то одеждой католический священник отец Карл.

20-го июня мы посетили Гейслинген – один из эстонских культурных центров Германии. Там мы познакомимся с председателем эстонского комитета господином Вястриком, журналистом А. Кокк, издателем Эйнером Санденом, которые тоже по мере сил поддержали нас. Было приятно встретиться там и с Юри Лина, вожаком духовно ищущей молодёжи в Эстонии, через женитьбу эмигрировавшему в Швецию.

В июле мы посетили Франкфурт на Майне, где состоялось очень доброе знакомство с бывшим политзаключённым Юрием Беловым и его милой женой Верой. Это знакомство перешло в прочную дружбу, что не столь уж частое явление в эмигрантской среде. Юра Белов энергично работал

в Международном Обществе защиты прав человека и он больше, чем кто-либо из эмигрантов третьей волны, делал добро для людей, не отделяясь одними лишь сострадательными словами. При помощи его и уважаемого сопредседателя Общества И. И. Агрузова нам удалось сделать посылки для нашего сына и других нуждающихся.

Во Франкфурте мы познакомились поближе и с людьми „Посева“, оказавшими на нас хорошее впечатление.

В августе мы участвовали в католическом конгрессе „Кирхе ин Нот“ (Церковь в беде) в Кёнигштейне, посвященном положению церкви в Восточной Европе. Я выступил на конгрессе и призвал спасти недавно арестованного и помещенного в психобольницу эстонского священника Велло Салума. Позднее, после работы конгресса, я побывал на сторожевой башне старого кёнигштейнского замка, откуда открывался прекрасный вид на лесистые Таунусские горы. В дни конгресса в центральной газете Баварии „Зюддойче Цайтунг“ на третьей странице появилась длинная статья об истории и судьбе нашей семьи.

В этом же месяце нам предоставили политическое убежище в Германии и выдали паспорт (Рейзепасс), который надо было продлевать каждые два года. Это был рекордный срок. Большинство просящих политического или экономического убежища в Германии ждут его год или полтора, находясь в лагере Цирндорф близ Нюрнберга или в пограничных областях Германии.

Теперь посмотрим мир! – решили мы.

Милый Коля Драгош, тоже бывший политзаключённый, был так любезен, что на своей автомашине привёз нас из Франкфурта в Париж. В Париже нас сердечно приняла в своём уютном и гостеприимном доме Арина Гинзбург, с которой Людмила была дружна ещё с московских времён по делам Солженицынского Фонда помощи политзаключённым. Парадный Париж был великолепен. Мы посетили белоснежный собор Сакр-де-Кёр (Священное сердце) на Монпарнасе и собор Парижской Богоматери, поднялись на Эйфелеву башню, откуда открывался дивный вид на хорошо распланированный город, гуляли по широким Елисейским полям и по тенистым парижским бульварам, посетили блистательный Лувр и Версаль. Но после ленинградского Эрмитажа, Екатерининского дворца в Пушкино и Петергофского

дворца, французские дворцы произвели на нас более скромное впечатление.

Но замечали мы в Париже и другое. . . Мутная Сена, грязные улицы, обветшалые дома, неблагоустроенные квартиры, измождённые лица, грубоватость людей, бродяги (клошары) на тротуарах и под мостами, сцены улицы Пигаль и крысы в метро. . . Вдобавок ко всему, в одном из кафе у Людмилы из сумки вытащили все наши деньги, которые с таким трудом удалось накопить для поездки. Всё это очень удручало.

Смешанными были впечатления и от людей, выходцев с Востока. Арина относилась к нам тепло и участливо. С огромной симпатией отнесся я и к Александру Гинзбургу. Я поделился с ним, что намерен написать воспоминания, а для этого хочу выхлопотать у какого-нибудь фонда скромную стипендию, ибо я был всё же полностью безработным. Александр так горячо вызвался мне всё это выхлопотать, что на несколько месяцев парализовал мои собственные действия. Позже всё утряслось и я получил гранд.

Познакомился я и с уважаемой Ириной Альберти-Иловайской – редактором „Русской мысли“, и с её сотрудниками. Я напечатал в газете пару своих статей, и участвовал в пресс-конференции на авеню Де Клебер с Лех Валенсой – вождём „Солидарности“, который посетил в то время Рим и Париж.

В православной церкви на Рю Дарю Арина познакомила меня с господином Н. Струве, редактором „Вестника РХД“. Он холодно на меня посмотрел, подал на секунду три пальца и отвернулся. В дальнейшем я видел уже одну лишь его стройную спину. Так он мне и запомнился – человек-спина. А я всё-таки пострадал не только за свободу Эстонии, но и за демократическую Россию, был верующим и в его журнале когда-то печатались и наши материалы. Не мог он не читать и моих статей в „Русской мысли“ в 1978-1979 г.г.

Своеобразной была встреча и с Владимиром Максимовым, редактором журнала „Континент“. Принял он меня вежливо, но насторожённо. И решил дать мне слово в своём журнале почему-то только в рамках строго эстонского вопроса. Всё, что я потом написал в статье „Эстонский узел“ о России, об Европе, о сближении Запада и Востока, он безжалостно вычеркнул. Впоследствии он, видимо, занесёт меня в свой „серый“ список – не враг, но печатанию в журнале не подлежит.

Н. Горбаневская, которую я посещал в Москве, ничем не показала, что помнит наше знакомство и смотрела на меня как на пустое место.

Познакомились мы и с супругами Синявскими, с Г. Андреевым и с другими, для которых я также, в лучшем случае, ничего не значил. Если добавить сюда, что в Мюнхене Кронид Любарский проявлял раздражительность по поводу моих самостоятельных встреч с людьми, особенно с посеовцами, а люди „Посева“ дулись на меня за очень тесные связи с эстонскими кругами, то можно сделать единственный вывод: для русской и советской эмиграции, для её правозащитного и националистического крыла я был, есть и остаюсь, в основном, чужеродным телом.

Остро стоял вопрос о трудоустройстве. В редакции „Русская мысль“ Людмиле предложили место наборщицы с зарплатой 5-6 тысяч франков. Это было бы для неё на первых порах неплохо, но Париж социально производил удручающее впечатление, и я не видел для себя там никакой возможности устроиться на работу. Так мы и уехали в Мюнхен, увозя с собой смешанные впечатление.

Предстояли более тесные контакты и встречи с эстонскими кругами. Сначала, 20-го октября мы поехали в Люнебург на конгресс Немецко-Балтийского Общества, президентом которого был наш друг О. Ауле. Не доезжая до университетского города Гёттингена, мы из окна вагона увидели укреплённую границу и пустынную территорию ГДР. После люнебургских встреч и моего выступления там, мы поехали в Швецию совершать лекционное турне по её городам. Через Гамбург, где мы бродили весь вечер, мы доехали до Копенгагена – столицы Дании. Оттуда катер привёз нас в Мальмё, в первый город на шведской земле. Там нас встретила и приютила милая Лиета Сандер. Далее следовали выступления в Лунде, в Хальмстаде, Гётеборге и Боросе.

Затем мы приехали в Стокгольм – столицу Швеции, где нас поселил у себя А. Киппар, председатель Центра помощи заключённым борцам за свободу Эстонии. Я сразу почувствовал его холодок, но не ожидал, что в его лице встречу будущего лидера эстонской оппозиции против меня лично. Но об этом позже. Кроме того, он немало сделал хорошего для политзаключённых Эстонии.

Я исполнял свой долг перед эстонским народом и дальше, выступал перед шведским телевидением, выезжал в Уппсала, в Вастероз и

Эскильстуна. Везде нас принимали очень сердечно и тепло, хотя некоторым не очень нравилась моя неэстонская фамилия и то обстоятельство, что Людмила не говорила по-эстонски. Это делало нас в отдельных случаях, конечно, не совсем и не до конца „своими“.

Вообще же Швеция и её народ произвели на нас прекрасное впечатление. К чистоте и к порядку городов, что мы видели и в Германии, добавилось ещё и великолепие шведской природы в своей нетронутой, девственной первозданной красоте. Мы надеялись, что вернёмся сюда ещё не раз и надежде нашей суждено было сбыться. Но тут произошло неожиданное. В Стокгольм ко мне позвонил Борис Георгиевич Миллер, организовывавший мне двухнедельную программу встреч в Англии. Она начиналась, по его плану, 16-го ноября. Я просил отменить встречи, запланированные на первые два дня, ибо моё турне по Швеции ещё не кончилось. Но он не согласился, говоря: „К министрам не опаздывают“. Тут я совершил ошибку и дал согласие прервать своё турне, не желая подводить Б. Г. Миллера. Пришлось распрощаться с Людмилой, которая затем одна выехала из Стокгольма в Мюнхен, выступить еще в Норчёпинге и оттуда, выложив собственные 800 марок, вылететь в Лондон. „Министром“, к которому надо было поспеть именно 16-го, оказался Бриан Крозьер, общественный деятель, поговоривший со мной довольно поверхностно и незаинтересованно.

В этот же день я дал интервью работнику Би-Би-Си Ивану Сапиету и в Либеральном клубе познакомился с доктором Иайном Эллиотом, редактором журнала „Совет Аналист“. Последние две встречи были интересными и мне заказали две статьи. Но всё-таки всё это могло состояться и на два дня позже.

В следующие дни мы посетили Форин Оффис, Британское министерство иностранных дел, и встретились там с Том Арнольдом, руководителем Восточного отдела. Далее мы встретились с членами британского Парламента от консервативной партии Дэвидом Эткинсоном и Раймондом Уитни, с руководителем международного отдела штаб-квартиры консервативной партии Скоттом Гамильтоном, дельным и симпатичным человеком, а также с журналистами „Таймс“ и „Дейли Телеграф“.

Моим неизменным гидом и переводчиком был хорошо относившийся ко мне Юра Миллер. 20-го ноября я выступил перед русскими эмигрантами в Польском клубе, а 23-го посетил Кестон Колледж, исследующий положение религии в Восточной Европе. 25-го ноября я встретился во второй раз с Владимиром Буковским. Ранее мы встречались с ним в Париже, в редакции журнала „Континент“. Встречал меня В. Буковский оба раза несколько насторожённо, ничем особенным не интересовался, никакого сотрудничества, содействия или помощи не предлагал. На том и расстались.

Затем мы посетили редакцию журнала „Индекс он Цензоршип“, штаб-квартиру Эмнистой Интернейшнл, где произошло интересное знакомство с Богданом Нахайло, ведавшим делами Советского Союза. Познакомился я и с известными советологами Г. Скеммелом и позднее с Питером Рэддуэйем. Последний подарил мне с дарственной надписью изданную на Западе „Программу ДДСС“, соавтором которой я в 1969-м году был. Гонорары от моих статей и некоторых интервью смогли покрыть дорогу из Швеции в Лондон и из Лондона в Мюнхен.

Но принесли ли какую-либо пользу делу освобождения Эстонии и России мои беседы с британскими политическими и общественными деятелями, а также встречи с британской прессой? В этом я почему-то сильно сомневаюсь.

Лондон – город по-своему неповторимый, не лишённый своеобразного шарма и очарования. Я любовался издали Букингемским дворцом, резиденцией английской королевы, посетил Палату Общин и Палату Лордов британского Парламента, посетил Вестминстерское аббатство и крепость Тауэр, был в музее восковых фигур мадам Тюссо, гулял по Гайд-парку, помолился в русском православном соборе и даже оказался на футбольном матче. С особой благодарностью хочется отметить то тёплое гостеприимство, которое оказали мне в течение двух недель Кира Константиновна и Борис Георгиевич Миллер.

В начале декабря я вернулся в Мюнхен. Вести, которые меня тут ждали, не блистали оптимизмом. В виду моего долгого отсутствия Социаламт прекратил мне выплату пособия. Людмила по неопытности имела неосторожность сказать, что я отбыл за границу. Это могло служить основанием отказа в социальной поддержке. Так возникло у нас первое

ГОД ВТОРОЙ

ПОСЕЩЕНИЕ АМЕРИКИ И КАНАДЫ. ЗНАКОМСТВО С ЮЖНОЙ ЕВРОПОЙ

Трехмесячные курсы английского языка проходили в Фолькстоуне, в уютном приморском городке на юге-востоке Англии. Основную часть курсантов составляли арабы из Ливии, которых премьер Кадафи очень щедро оплачивал. Я сам жил на пансионе в одной милой английской семье, изучая быт, нравы и обычаи Англии. Было очень скучно без Людмилы, но я не терял времени даром. Я посетил Кентерберийский собор – британскую Троице – Сергиевскую Лавру, которая находится в 40 километрах от Фолькстоуна. В снежную бурю взобрался на высокий Холм Цезаря, где римский полководец, в 1-ом веке до н.э. завоёвывавший Англию, долго стоял военным лагерем.

В это же время произошла и очень важная для меня встреча. Я встретился в Лондоне с Серафимом Николаевичем Милорадовичем, представителем английского издательства „Оверсиз“. С ним мы заключили договор о написании моей книги по предложению тогдашнего директора Степулковского.

В начале марта Людмила приехала на четыре дня в Париж, я тотчас же приехал туда же. Встреча была очень короткой, сердечной, а расставание очень грустным. Но я знал, что через месяц наши жизни снова воссоединятся.

В начале апреля я возвратился в Мюнхен со средним знанием английского языка. Я начал внештатно сотрудничать с эстонской редакцией радио „Свобода“ и приступил к написанию своей книги воспоминаний под названием „Зарницы возрождения“.

Из эстонских кругов пришло приглашение посетить США и Канаду. Снова пришлось с грустью расстаться с Людмилой. Она не смогла поехать со мной, так как была занята работой. Но перед этим, затратив много сил и средств на поиски квартиры, я нашёл её, наконец, в 400-х метрах от радио „Свобода“. Это было очень удобно для Людмилы в смысле хождения на работу. Квартира была 2-комнатной, находилась

на улице Куфштейнер и стоила 1000 марок в месяц. Но я надеялся, что мы уже в состоянии себе позволить снять квартиру. Переезд из шумного, многонационального пансиона на квартиру состоялся 21-го апреля. Этот переезд для Людмилы был радостным событием. Но уже на следующий день она провожала меня в США.

22-го апреля, вылетев из Франкфурта, после 8-часового полёта, я прибыл в Нью-Йорк. При подлёте к материку начался сильный шторм и трансатлантический лайнер бросало в разные стороны так, что трещала обшивка и казалось, что самолёт вот- вот развалится.

В Америке началась напряжённая работа. Привожу перечень событий:

- 23-го – визит в консулат Эстонии,
- 24-го – доклад в Эстонском Доме,
- 26-го встреча с прессой и посещение редакции „Сучастність“,
- 27-го – пресс-коференция в Эстонском Доме и выступление в Колумбийском университете,
- 28-го – визит в посольство Канады при ООН, посещение Дома Свободы (Фридом Хауз) и визит к бывшему диссиденту генералу Петру Григорьевичу Григоренко,
- 29-го – встреча с редактором журнала „Комментери Мэгэзин“ с господином Норманом Подгорец,
- 30-го – визит в посольство США при ООН и встреча с послом К.Гершманом, встреча с американской общественной комиссией по наблюдению за выполнением Хельсинкских соглашений (Хельсинки Уотш), переезд поездом в Лейквуд и выступление в местном Эстонском Доме.

Май месяц был не менее напряжённым:

- 1-го мая переезд поездом в Вашингтон и выступление по телевидению;
- 2-го – выступление перед эстонским обществом в Вашингтоне;

- 4-го – визит в Восточный отдел и в Отдел прав человека Госдепартамента США;
- 5-го – выступление в Конгрессе США перед Комитетом по сотрудничеству и безопасности в Европе;
- 6-го – встреча в Белом Доме с советником Президента по национальной безопасности Ричардом Пайпсом, выступление в Конгрессе США перед Комитетом ад хок по делам Прибалтики и Украины;
- 7-го – интервью эстонской и русской редакции радио „Голоса Америки“, переезд поездом в Балтимор и выступление перед эстонским обществом;
- 8-го – полёт из Вашингтона в Детройт, во время которого мы попали в торнадо, бушевавшее над озером Эри, встреча с украинскими деятелями и участие в банкете латышской национальной организации „Даугас Ванаги“;
- 9-го – пресс-конференция, посещение эстонской церкви и музея Генри Форда.
- 10-го мая происходил полёт из Детройта в Торонто, крупнейший центр Канады. При приземлении лётная полоса оказалась внезапно занятой и во избежание столкновения с другим самолётом наш лайнер, форсируя двигатели, в последний момент, резко взмыл в воздух. Он ещё долго кружился над Торонто, дожидаясь нового разрешения на посадку, а среди пассажиров началась паника. В тот же день был приём у консула Эстонии в Канаде Илмара Хайнсоо и визит в редакцию газеты „Торонто Сан“.
- 11-го – я поднялся на самое высокое сооружение в мире (более 500 метров высотой), на телебашню Торонто, затем, во второй половине дня, выехал в Оттаву, столицу Канады.
- 12-го – визит в МИД Канады и банкет в канадском парламенте.
- 13-го – возвращение в Торонто и выступление в Эстонском Доме.

- 14-го – консул Эстонии награждает меня „Крестом за заслуги перед Эстонией“ и во второй половине дня, с разрешения МВД Канады, едем в тюрьму особого режима для трудновоспитуемых заключённых, знакомиться с условиями содержания. По сравнению с советскими тюрьмами и лагерями это тюрьма казалась гостиницей с ограниченным правом передвижения.
- 15-го – едем автомобилем из Торонто в Детройт и по дороге посещаем Ниагарский водопад. Вечером улетаю в Чикаго.
- 16-го – выступление в Эстонском Доме.
- 17-го – встреча с представителями газет Чикаго, а вечером поднялись на крышу небоскрёба „Сирс Тауэр“, самого высокого здания в мире.
- 18-го – настал наконец долгожданный день отдыха, но полный частных встреч.
- 19-го – длительный полёт из Чикаго через Феникс в Лос-Анджелес, омовение в водах Тихого океана, посещение Голливуда, финская баня и банкет эстонского общества.
- 20-го – пресс-конференция и посещение сказочного Диснейленда.
- 21-го – встреча с сотрудниками корпорации „Ренд Корпорейшен“ и выступление в Эстонском Доме.
- 22-го полёт из Лос-Анджелеса в Сан-Франциско, посещение знаменитого моста через залив Золотой Рог, ознакомление с Чайнатауном (китайский городок), поездка в Стэнфордский университет за городом, встреча с Робертом Конквестом, автором книги „Великий террор“, и с Михаилом Бернштамом, диссидентом из СССР.
- 23-го – полёт из Сан-Франциско снова в Лос-Анджелес, участие и выступление на банкете в отеле „Бильтмор“, организованном БАФЛ-ом (Балто-Американская Лига Свободы), награждение меня мэром Лос-Анджелеса почётной грамотой.
- 24-го – полёт из Лос-Анджелеса в Портленд.

- 25-го – встреча с местной прессой и выступление в Эстонском Доме.
- 26-го – полёт из Портленда в Сиэтл, банкет в ресторане телебашни „Космос Нидл“ (Космическая игла) и выступление в Эстонском Доме.
- 27-го – поездка на автомашине в канадский порт Ванкувер и встреча с местной прессой.
- 28-го – пресс-конференция в Норвежском центре, выступление в Эстонском Доме и возвращение в Сиэтл. 29-го – полёт через весь американский континент из Сиэтл в Нью-Йорк.
- 30-го – выступление в Эстонском Доме Коннектикута.
- 31-го – возвращение в Нью-Йорк, во время которого еле избежали смерти в автомобильной аварии. Спасло только чудо!

Программа июня месяца была не менее напряжённой. 1-го июня – новая встреча с американской прессой;

- 2-го – приём у генерального консула Эстонии Яксона;
- 3-го – новая встреча с американской прессой;
- 4-го – участие в работе БАТУН-а (Балто-американское представительство в ООН);
- 5-го – выступление в Эстонском Доме на Лонг Айленде;
- 6-го – посещение самых высоких небоскрёбов в Нью-Йорке „Ворлд Трейд Сентр“ и „Эмпайр Стейт Билдинг“;
- 7-го – новая поездка в Вашингтон, в дальнейшем – встречи и выступления в среде русских эмигрантов, знакомство с семьёй священника Потапова, Болдыревых, Мендюк и с другими хорошими людьми, посещение обелиска Свободы, знакомство с Вашингтоном.

В субботу 12-го июня в Вашингтоне происходил конгресс Совета по защите Свободы под председательством его президента Маркса Льюиса, издателя газеты „Вашингтон Инквайер“. На этом конгрессе

он вручил Александру Штромасу, Аркадию Шевченко, Филлипу Николаидису, трём американским гражданам и мне памятные награды за вклад в дело свободы.

Вскоре после этого, в середине июня, я вернулся в Германию. Я посетил 15 городов США и Канады, покрыл десятки тысяч километров, произнёс тысячи слов, искупая вину советско-русского народа перед эстонским народом и другими народами. Чудом является то, что я выдержал чудовищное нервное и физическое напряжение 55 дней деятельности, трёх опасных положений в воздухе и одну автомобильную аварию, оставшись наперекор всему в живых! В этом я вижу очередное действие Божественного промысла!

В моё отсутствие Людмила привела в полный порядок квартиру и всё наше скромное достояние. Это тоже досталось ей нелегко. В конце июня к нам в гости приехали глава издательства „Бореас“ в Англии Эйнар Санден и Юри Лина из Стокгольма. Людмила взяла отпуск, и мы все вместе, на автомобиле Сандена, поехали через Австрию, северную Италию, прекрасное княжество Монако и южную Францию в Сиджес, расположенный в 40 км. южнее Барселоны, на берегу Средиземного моря. В этом городе находилось летнее бунгало Сандена. Мы гуляли по древнему Сиджесу, городу художника Эль-Греко, познакомились с испанской жизнью, навестили знаменитый горный монастырь Монсеррат – центр иезуитского движения, и были целый день в Таррагоне, основанной ещё древнегреческими мореходами. На обратном пути мы познакомились с центром Каталонии Барселоной. Испания, гордая, учтивая и добропорядочная, произвела на нас, по сравнению с Парижем, очень хорошее и незабываемое впечатление. Невыносимой была лишь жара, от которой мало спасали лазурные, но очень тёплые воды Средиземного моря. Были дни, когда мы только лежали, не в состоянии думать, говорить и тем более двигаться.

Через две недели, через южную Францию и Лион, мы вернулись автобусом в Мюнхен, увозя с собой самые добрые воспоминания.

Вернувшись, я возобновил работу над книгой и внештатное сотрудничество в эстонской редакции радио „Свобода“. Постоянного места работы, после полутора лет пребывания на Западе, у Людмилы и у меня всё ещё не было.

Но в американском радиовещании назревали перемены. Во второй половине этого года старое руководство радиостанции было заменено, и задули свежие ветры. Во главе радиокорпорации РС и РСЕ стал Джеймс Бакли, а во главе радио „Свобода“ – известный журналист Джордж Бейли. Как потом выяснилось, он имел список лиц, рекомендованных А. Солженицыным, среди которых был и я. Господин Бейли принял решение с 1-го октября предоставить мне возможность внештатного сотрудничества со скромной, но постоянной, понедельной оплатой, что уже было шагом вперёд. Я начал систематически подготавливать правозащитные и религиозные программы на эстонском языке, а иногда и на русском.

Я до сегодняшнего дня не знаю, что сыграло главную роль в этом решении Бейли о приёме меня в январе 1983 года на постоянную работу – то ли усилия моих эстонских друзей, то ли рекомендация А. И. Солженицына? Господин Бейли, однако, впоследствии утверждал, что его решение основывалось на мнении А.И.Солженицына.

Материальное положение нашей семьи несколько улучшилось, и мы впервые, по своей инициативе и на свои средства, решили посетить древнюю родину Людмилы – солнечную Грецию, к которой у нас всегда было восторженно-романтическое отношение.

28-го ноября 1982-го года мы вылетели из Мюнхена в Афины. Не думали мы, не гадали, что именно в этой стране, которую мы давно уже мечтали увидеть, и после того, когда мы проехали многие страны Европы и Америки, нас ждут серьёзные неприятности. В Мюнхене мы не взяли выездных виз в Грецию, т.к. в греческом туристском бюро в Мюнхене сказали, что вполне достаточно немецкого паспорта – Рейзепасса. У греческой же пограничной полиции была другая точка зрения. У неё возникло подозрение, что мы, де, советские граждане, неведомо каким путём раздобывшие немецкие паспорта. В итоге всего этого, нас около девяти часов продержали в афинском аэропорту, выясняя, что с нами делать – впускать в Грецию или выслать обратно в СССР. Поздно ночью, связавшись с Мюнхеном и с МИД Греции, нас всё-таки доставили в афинскую гостиницу напротив Политехнического института, которая по путёвке была нами оплачена.

Мы посетили с Людмилой дивный Акрополь, богатейший археологический музей, съездили в загадочные Дельфы и древний морской

порт Пирей. Греческая древность, её прекрасное культурное наследие по-настоящему очаровали нас, Люда купила в Афинах нательный крест, а я – серебряную лампаду для иконы.

Но греческая современность относилась к нам по-иному. В гостинице наши вещи часто меняли свои места в наше отсутствие, а по городу нас часто сопровождал господин в штатском и с газетой в руках. Когда кончалась предусмотренная путёвкой неделя, из МИД Греции нам внезапно позвонили в гостиницу и потребовали, чтобы мы связались с немецким посольством в Афинах и выяснили, пустят ли нас власти ФРГ обратно в Мюнхен!?? Пришлось этому нелепому и неестественному требованию подчиниться, чтобы не быть высланными в СССР. Разумеется, что консул ФРГ лишь посмеялся над подозрительностью, политической неграмотностью и незнанием международных документов греческих властей. Как бы то ни было, поездка в Грецию была основательно испорчена. И хотя греческое туристское бюро „Медина“ регулярно присылает нам свои красочные рекламы и проспекты, у нас не скоро вернётся желание ещё раз посетить Грецию.

21-го декабря нас посетил писатель Александр Зиновьев, который произвёл в начале визита вполне приятное впечатление. Но стоило мне в ходе разговора в благожелательном тоне произнести имя госпожи Пирожковой, с которой я лично даже не знаком и её взглядов не знаю, как он через четверть часа нервно сорвался с места и убежал от нас.

Сумбурный и тяжёлый 1982-ой год мы провожали у нашей доброй знакомой Вали Шпонхаймер, принявшей большое участие в судьбе нашей семьи. Но 1982-ой год был также годом бурной общественной деятельности, годом ознакомления с миром и годом продолжающегося вживания в западную жизнь.

Сергей Солдатов с женой Людмилой в гостях у друзей. Швеция. Гётеборг. Октябрь 1981 г.

С.Солдатов с женой и Лембит Сави. Швеция. Люнеберг. Октябрь 1981 г.

Перед зданием Эстонского Дома в Стокхолме.

Встреча Людмилы с Неэме Ярви и Теэле Лемберг.
Эстонский Дом. Швеция. Стокхолм. Ноябрь 1981 г.

Выступление Сергея Солдатова в Эстонском Доме.

На горе Монсерат. Испания. Июнь 1982 г.

На Акрополе. Греция. Ноябрь 1982 г.

Сергей Солдатов в Париже

С.Солдатов с женой перед Луврем.
Париж. 1982 г.

Собрание Общества защиты прав человека в Париже. На первом плане Анцупов, Солдатов и Огурцов.

Пресс-конференция Леха Валенсы в Париже. 1982 г.

Сергей Солдатов в Америке. Чикаго. Май 1982 г.

Вручение дипломов Балтийского Союза Свободы.
Лос Анжелес. 23 мая 1982 г.

COUNTY OF LOS ANGELES

Sergei Soldatov

Сержей Сергеевич Солдатов IS A MAN OF OUTSTANDING INTEGRITY AND IS A LEADING NATIONAL AND WORLDWIDE ACTIVIST AND

Сержей SERGEI IS FORMERLY AN ORGANIZED FROM LEADERSHIP POLITICAL DISTRICT AS A SOCIALLY ENGAGED AND WORKS FIRST AS AN ENGINEER AND THEN AS AN ENTREPRENEUR UNTIL THE 80'S BECAME AN INVESTOR AND

Сержей SERGEI HAS ACTIVE PARTICIPATION IN THE FORMER A FOUNDER OF THE "LITVAK MOVEMENT" MOVEMENT AND THEIR PROMOTE STRATEGIC ALLIANCE WITH FORMER LEADERS UNDER AMERICAN-PERIODICALS AND

Сержей SERGEI HAS BEEN ADMITTED TO THE HOUSE OF COMMONS AND CAPTURED FROM THE QUARTERS FACILITY AND NOW IS UNDER FEDERAL ARREST IN THE PRINCIPLES OF DEMOCRACY, FREEDOM AND HUMAN RIGHTS.

Данная информация SERGEI SOLDATOV IS FORMERLY EMPLOYED FOR HIS DEDICATION AND LOYALTY TO THE DEMOCRATIC PRINCIPLES WHICH HE ALL BEEN IN THE 80'S AND IS EXTENDING GLOBAL BEST WORKS FOR SERVICE IN HIS ORGANIZATION FOR FREEDOM'S FREEDOM.

Michael B. ...
MAYOR OF LOS ANGELES
September 1998

ГОД ТРЕТИЙ

РАБОТА В ЗАПАДНОМ РАДИОВЕЩАНИИ. ОКОНЧАНИЕ КНИГИ

С 1-го января 1983-го года я получил постоянную работу в эстонской редакции радио „Свобода“. С главным редактором Александром Террасом у нас создались добрые и доверительные, а с коллегами – вполне человеческие отношения. 20-го февраля мы переехали на новую квартиру. Всё это принималось с чувством удовлетворения и благодарности. Людмила получила более просторный семейный очаг, а я – комнату для работы дома. В моём распоряжении оказалось также больше средств, позволявших обеспечить дальнейшую жизнь Людмилы и совершить в будущем ряд общепользных, добрых дел.

И всё же приходится с известным чувством горечи отметить, что мне, сделавшему некоторый вклад в дело свободы Востока Европы и пострадавшему за это, имеющему известные журналистские навыки и печатающемуся в русскоязычной и западноевропейской периодике, пришлось целых 19 месяцев быть безработным и 15 месяцев ждать принятия на работу. И я совершенно уверен, что не сменись руководство радио „Свобода“ осенью 1982-го года, мне в дальнейшем пришлось бы делать свой вклад не в дело свободы Восточной Европы, а в дело автомобилестроения Западной Германии. Всё это далеко не свидетельствовало в пользу разумности и дальновидности тогдашнего руководства радиостанции „Свобода“ и „Свободная Европа“.

Обидно и другое обстоятельство. Людмила, окончившая Библиотечный институт им. Крупской в Ленинграде, около 11 лет проработавшая библиографом в библиотеках Ленинграда и Таллина, а после этого – 15 лет диспетчером в Таллинском Морском порту (т.е. общий стаж работы 26 лет), активно участвовавшая в работе Солженицынского Фонда в СССР, опекавшая, кроме осуждённых по политическим причинам сына и мужа, ещё многих других политзаключённых, уволенная по политическим причинам из порта и бывшая в Эстонии некоторое время без работы, оказалась без работы и на Западе.

Она была без постоянной работы на Западе два года и три месяца и ждала *постоянной работы* на радио один год и восемь месяцев. Так на 27-м месяце жизни на Западе получила она, наконец, место всего лишь машинистки.

Женщине в 52 года, после всего пережитого и выстраданного, вернуться к тому, с чего она начинала 26 лет назад, очень нелегко. И в этом я усматриваю большую моральную и социальную несправедливость, не говоря уже о политической стороне дела. Естественно было бы ожидать от тоталитарной, идеократической советской системы, что она не засчитывала, например, стажа работы в период немецкой оккупации. Но от демократических социальных системах США и ФРГ можно было бы ожидать большего великодушия и справедливости к четверть века проработавшей и много лет преследуемой женщине. Сейчас же она оказывается в будущем даже без нормальной пенсии, ибо у кого же на склоне лет и при подорванном здоровье хватит сил проработать ещё, как минимум, 15 лет, необходимых для минимальной немецкой пенсии.

Интересно отметить также, что немецкий Арбейтсamt, ведающий пособиями для безработных, не принял в 1981 году меня даже на учёт, т.к. перед приездом в Германию я шесть лет отсидел в политлагере, а значит в течение последних двух лет перед принятием на учёт *не имел стажа работы*. Так и числился я за Социаламтом, как бездомный и нищий. Не был принят во внимание даже мой стаж преподавательской работы в Таллинском Политехническом институте. Впрочем, придется поблагодарить и за это, ибо первая русская эмиграция, да и вторая тоже, не имела даже и такой социальной поддержки.

Как бы то ни было я, после зачисления в штат, с головой ушёл в работу и подготовил с тех пор около 300 правозащитных, религиозных и общеинформационных передач, среди них несколько политических и религиозных серий. Эстонский народ как целое, никогда не сможет упрекнуть меня в том, что во время пребывания на Западе в 1981-1983 г.г. я положил мало сил и здоровья, отстаивая коренные интересы эстонского народа, как в общественной деятельности, объезжая страны Западной Европы и северной Америки, так и в области ежедневного радио просвещения./Но как показало время, злопыхатели нашлись и здесь./ Я делал всё это, во-первых, потому, что люблю эстонский народ, а во-вторых, потому, что пытался искупить хотя бы частицу того зла, которое принесли эстонскому народу люди, имеющие сходные со мной

фамилии и говорящие на том же языке, что и я. Это зло выразилось в том, что эстонский народ потерял свою свободу и независимость, потерял более одной трети своего состава эмигрантами, заключёнными, депортированными, убитыми и казнёнными.

Не должны на меня обижаться русский народ и другие народы Советского Союза. По мере моих сил я не раз публично ставил вопросы об их страдальческой судьбе и жизненных интересах, о раскаянии и искуплении их вин, об их политическом освобождении и моральном обновлении, о духовном и общественном Возрождении народов Восточной Европы в Единстве, Свободе и Любви. И не моя вина, что ряду русскоязычных журналов эти проблемы оказались *совершенно чуждыми*. Так, например, журнал „Континент“ напечатал одну лишь мою статью „Эстонский узел“. Остальные три статьи, посланные журналу в разное время, он под разными предлогами печатать отказался. Больше я туда уже ничего не пошлю.

Редактор религиозного журнала „Вестник РХД“ Н. Струве, которому я послал морально-религиозную переписку с покойным Димой Леонтьевым во время моего заключения, любезно сказал мне по телефону: „В нашем несовершенном мире, Сергей Иванович, не всё благородное может быть напечатано“.

Издающийся в Брюсселе, впрочем очень почтенный русскоязычный католический журнал „Логос“, на моё предложение напечатать эту переписку, загадочно промолчал, что, видимо, в какой-то степени объясняется и тяжёлым состоянием здоровья членов редакции.

Зато мои статьи не раз печатала газета „Русская мысль“, журнал „Посев“, журнал „Религия и атеизм в СССР“ и, ругаемый многими, альманах „Вече“. Кстати, альманах „Вече“, который многие клеймят реакционным, великодержавным и нетерпимым, проявил большую терпимость и большую широту взглядов, чем журнал „Континент“, поместив на своих страницах две мои статьи **„О раскаянии народов“** и **„Наращивать мощь или жить по справедливости“**. Эти статьи шли в разрез с основной политической линией журнала и несли в себе проблематику малых народов, вопрос об их русификации и обоснование их права на самоопределение. И, тем не менее, редакция „Вече“ оказалась намного либеральнее и шире „архилиберального“ журнала „Континент“.

Гораздо больше могут на меня обижаться народы Западной Европы и Америки, ибо я очень мало касался их проблем, интересов и стремлений. Но и здесь нет полной пустоты. В журналах „Вендепункт,, (ФРГ), „Совет Аналист“ (Англия), „Каие дю Самиздат“ (Бельгия), на страницах немецкой, шведской, английской, итальянской, американской и канадской прессы я ставил вопросы общие для всех народов – вопросы мира и сотрудничества, сближения Востока и Запада, поддержки и защиты дела свободы, призывал к морально-политическому Возрождению народов всего мира на основе Единства, Свободы и Любви. Но в скором будущем, если Бог отмерит время и добавит силы, я надеюсь восполнить и этот пробел (что, как я надеюсь, впоследствии и произойдёт).

Весь год я вечерами и по выходным дням работал над книгой „Зарницы возрождения“, в которой хотел отобразить и передать потомкам свой жизненный опыт, свой опыт борьбы и заключения, а также частицу своих духовных поисков. Сначала я работал одновременно над русским и эстонским текстами, но эстонское издательство „Бореас“ оказалось на грани банкротства, а в издательстве „Фааг“ возник внутренний разлад по причинам, со мной не связанными. Поэтому работу над эстонским текстом пришлось поневоле приостановить в виду полного отсутствия перспективы напечатания. Тем более, что другие эстонские издательства мне предложений на книгу не делали. Для русского текста таких препятствий не было. И русскоязычная рукопись была к осени закончена, а 9-го сентября сдана в лондонское издательство „Оверсиз“.

Октябрь 1983 г. ознаменовался двумя событиями. Я впервые посетил международную книжную ярмарку во Франкфурте на Майне. Затем я на три дня вылетел в Вашингтон, где выступил перед подкомиссией Конгресса США по почтовым сообщениям. Я надеялся этим хоть как-то приостановить советскую практику похищения писем, отправляемых с Запада советским политзаключённым, хотя на успех и не надеялся.

Так без развлечений, отдыха и отпусков, под знаком напряжённого труда в эфире и над книгой прошёл 1983-й год. Новый 1984-й год мы встречали вдвоём с Людмилой. Но мы не чувствовали себя одиночками и нам было очень радостно вдвоём. С нами невидимо было все наши родные и друзья, а на столе лежало более 60-ти поздравлений из разных стран, в том числе и из канцелярии Белого Дома от президента США. По-прежнему не было с нами моей матери и нашего сына Александра.

Сына советские власти к нам всё ещё не отпускали, а без него не была в состоянии приехать к нам и моя 77-летняя мать.

ГОД ЧЕТВЁРТЫЙ

ПОСЕЩЕНИЕ ШВЕЦИИ, ШВЕЙЦАРИИ, ФРАНЦИИ, ИТАЛИИ И АВСТРИИ. ИЗДАНИЕ КНИГИ. ДУШЕВНЫЙ И ТЕЛЕСНЫЙ НАДЛОМ

Итак, наступил 1984-й год – „год Орвелла“ по западным понятиям, год Крысы по тибетскому календарю, что означало действие тёмных, скрытых, разрушительных сил. Многие астрологи и ясновидцы предвещали на этот год роковые события. Советский инакомыслящий Андрей Амальрик ожидал в этом году распада советской империи. Но в этом году не произошло ни новых громких побед тоталитаризма в мире, ни крушения главного очага его, ни других событий, потрясающих мир до самого основания. Роковым он оказался для меня самого.

Но начало года не предвещало ничего плохого. По-прежнему – напряжённая работа на радио „Свобода“. По-прежнему – бесконечные доделки и переделки моей книги по требованию издательства, чтение гранок и дача разъяснений, подбор документов и фотографий.

В начале года эстонская общественность на Западе оказала мне большую честь. Меня пригласили докладчиком на торжественное собрание в Стокгольме, посвященное 66-ой годовщине независимости Эстонии. В своём докладе перед многотысячной публикой, в воскресенье 19-го февраля, в Большом концертном зале Стокгольма, я также проводил свой главный принцип – не только политическое освобождение, но и моральное обновление народа, но и духовное Возрождение эстонского общества. После доклада председатель Эстонского Национального Комитета священник Мартин Юхкам наградил меня золотым Знаком Почёта. Я растроганно принял эту награду от имени всех борцов, вносящих вклад в дело освобождения

Эстонии, и заявил, что этот знак по праву принадлежит тем, кто борется в Эстонии или находятся в заключении.

Людмила уехала из Стокгольма в турне по северной Швеции (Лулео, Умео, Норботтен и другие города), читая лекции о деятельности Солженицынского Фонда в СССР. Шведская молодёжь задавала ей множество вопросов, а шведская печать широко освещала её судьбу и деятельность. Людмила была и остаётся влюблённой в эту прекрасную страну.

В мае этого года мы взяли второй краткосрочный отпуск. Мы поехали в Швейцарию, где сначала посетили Люцерн.

Там нас тепло и радушно принял писатель и общественный деятель А.Э.Левитин-Краснов. Мы обходили все церкви города, совершили поездку по озеру Четырёх Кантонов, поднялись по первой в Европе горной железной дороге на вершину горы Риги-Кульм (1752 метра), посетили панораму франко-прусской войны, а точнее разоружения французских войск швейцарцами, и любовались памятником швейцарским гвардейцам, павшим при защите Лувра и короля Людовика XVI во время Французской революции. Памятник высечен в скале скульптором Торвальдсенем и очень впечатляет.

Затем, в Берне мы побывали у милой Наташи Тарсис, у дочери покойного писателя Валерия Тарсиса, ознакомились со старым городом, Парламентом Швейцарии и, конечно, же со знаменитыми бернскими медведями – символами города. Мы бросали им морковь, а они с видимым удовольствием ловили её на лету.

Наконец, в Лозанне мы остановились в гостеприимном доме Беллы и Игоря Корчных. Здесь было очень красиво. За Женевским озером высились покрытые снегом розово-голубые Альпы. Я съездил в Женеву, осмотрел Дворец Наций ООН, прекрасную православную церковь и знаменитый фонтан на озере, струя которого, как утверждают знатоки, бьёт на 100-метровую высоту, побивая в этом смысле мировой рекорд. Видел я здесь и памятные места, связанные с религиозным реформатором Кальвином, с писателями-мыслителями Вольтером, Руссо и Гессе.

Но самым потрясающим для меня событием было посещение Шильонского замка недалеко от города Монтрё. Я очень долго

простоял с обнаженной головой в просторном, полутёмном подвале этого замка с семью гранитными колоннами. Здесь к железному кольцу 6-ой колонны, в течение шести лет, был прикован женевский повстанец Франсуа Бонивар.

К счастью, он выйдет из этой темницы ещё в среднем возрасте и доживёт до 77 лет. Не дано было знать этому несчастному узнику 16-го века, воспетому поэтами, что спустя 400 лет люди, без всякого преступления, будут находиться в заключении в пять и более раз долее, чем он. И миллионы из них никогда больше не выйдут на волю живыми. Здесь же недалеко видна подпись, собственноручно высеченная в граните английским поэтом Джорджем Байроном в прошлом веке.

Затем мы через Базель поехали в Эльзас и остановились в городе Кольмар. Отсюда мы на автобусе поехали через Гюнцбах, где в семье пастора, почти 110 лет назад, родился один из моих любимых героев мыслитель, врач и органист Альберт Швейцер, и углубились в Vogезские горы. Переехав Vogезы, покрытые прекрасными густыми лесами, мы прибыли в Жерадмер, который подарил нам впечатления в стократ лучшие, чем Париж. Вокруг кристально чистого горного озера, в котором отражались легкие, весенние облака, расположился небольшой уютный городок. Воздух был насыщен запахом хвойных лесов и над всем этим простирался купол лазурного неба. В Мюнхен мы вернулись освежёнными и отдохнувшими. На этот раз Франция оказала на нас благоприятное впечатление.

С лета 1984 года у нас появился рыже-бежевый котёнок, которого мы очень полюбили. Мы назвали его Лукой. Лука стал настоящим членом нашей семьи, по-своему участвуя во всех наших делах, начинаниях и поездках.

С середины 1984-го года у меня внезапно возникли прекрасные отношения с находящимся в Милане католическим институтом „Руссия Христиана“ и с его руководителем отцом Романо Скальфи. Посетив институт, я познакомился со многими деятелями христианско-демократического движения Италии, в котором участвовала, в основном, молодёжь. Это движение называет себя „Мовименто пополаре“ (народное движение). Последовал целый ряд приглашений выступить перед многолюдными собраниями участников этого движения. В итоге всего этого, я в июне-сентябре совершил несколько поездок в Милан,

Болонью, Парму, Флоренцию, Сальсо Маджоре, Фиденца и в другие города. В своих выступлениях я призывал бороться за идеальную, единую Европу, основанную на Свободе и Любви, в которой бы не было деления на Восток и Запад.

„Будущая Европа – это Мир, Единство, Свобода и Любовь“ – так обычно на итальянском языке заканчивал я свои выступления. Итальянская молодёжь и местные общественные активисты обычно восторженными аплодисментами приветствовали этот призыв. Живость, сердечность и радушие итальянских друзей произвели на Людмилу и на меня незабываемое впечатление. Сильным было и воздействие итальянской культуры. Во время приёма у мэра Флоренции мне показали зал, на стене которого Леонардо да Винчи нарисовал свою знаменитую картину „Битва при Ангиери“. Меня потрясла также красота флорентийского собора и чудесно было увидеть дом Данте Алигьери, автора „Божественной комедии“. Не меньшее впечатление на нас произвели каменно-кружевной Миланский собор, неприступное Каstellо, крепость-замок рода Сфорца – правителей Милана, прекрасные церкви и многие другие достопримечательности. Италия нам показалась духовно и душевно богатой, но социально бедной и мало устроенной страной. . .

В сентябре мы поехали в Австрию, посетили Грац и остановились на несколько дней в горах Штирии. Кругом была прекрасная осенняя природа, чарующий лес со своими яркими красками, чистый и прозрачный воздух, но на душе уже было смутно.

В октябре я посетил во второй раз международную книжную ярмарку во Франкфурте на Майне, проходившую под девизом – „Орвелл 2000“. Я присутствовал на собрании, на котором канцлер ФРГ Гельмут Коль произнёс интересную и содержательную речь, а также встретился со многими друзьями. На этот раз даже Людмила приехала из Мюнхена, чтобы побывать на этой ярмарке, в том числе и на советской книжной выставке. Тоска по родине, жившая в ней все эти годы, выражалась и в этом. 5-го ноября пришла весть, что моя книга „Зарницы Возрождения“ наконец, издана.

Но меня уже ничего не могло радовать. Весь год во мне назревал и углублялся душевный надлом, который к концу года закончился и телесной катастрофой.

Я человек верующий, хотя и недостойный раб Господний. В своей судьбе я всегда видел действие Божественного Промысла, чувствовал руку и дыхание Господнее. Все важнейшие события моей жизни – личные отношения, быт, образование, борьба, творчество и так далее – начинались, как у большинства людей, вполне приемлемо. У всех других людей, как правило, эти события развивались средне, или же положительно и восходяще. У меня же, после обыкновенного начала, всё переходило в катастрофу. Я падал на самое дно, меня окружал мрак, где не было никакого просвета. И всегда какая-то дивная сила помогала мне выйти из беды, воспрянуть после катастрофы; и в беспросветной мгле возникала искра, света, оживала надежда и возрастали силы. Всегда моя жизнь шла по закону начинание – катастрофа – восхождение; движение – падение – подъём.

Моей последней катастрофой перед изгнанием на Запад было шестилетнее заключение. Оттуда я не надеялся выйти живым уже потому, что был не молод, непримирим и тяжело болен. В этой катастрофе Господь явил в моей жизни два чуда. Он направил меня в новый мир, где я мог действовать свободно. И Он вдохнул в меня новую жизнь, чтобы я мог действовать сильно. Свободно и сильно действовать во имя задания Господнего.

Почувствовав подаренные мне свободу и силу, я действительно применил их в деятельности внешней. Но это было лишь оболочкой задания Господнего. Ядром задания Божьего была деятельность внутренняя. Господь хотел от меня и очищения души, и просветления духа, и праведной жизни, и духовного творчества на благо общечеловеческое.

Но именно этого, главного, я все эти годы на Западе и не выполнял. Я растерял внутренние ценности, стал беднее и пал ниже того, чем я был в заключении. Я перестал ежедневно молиться, как делал в заключении. Я не помогал страдающим, как стремился делать в заключении. Я стал неумеренно питаться, чего не было в заключении. Я не занимался духовным и нравственным поиском, как перед и во время заключения. За почти четыре годы пребывания на Западе я даже не закончил и не подготовил к печати те несколько духовных и общественных очерков, которые написал до и во время заключения. А ведь с Божьей и людской помощью они благополучно были переправлены на Запад.

Моя внешняя деятельность на Западе происходила за счёт внутреннего преображения, подавляла и поглощала его. Все эти годы я это постоянно чувствовал. Особенно обострялось моё чувство недоисполненности долга в чём-то очень важном, в чём-то самом главном, в 1984-м году. Я тяжело переживал это, но после рабочего дня, частых поездок и исполнения общественных обязанностей я не находил в себе больше сил очищать свою душу, одухотворять свою жизнь и выйти к новым озарениям духа. Год 1984 был для меня общественно плодотворным, но личностно бесплодным годом. Я занимался жизнью и забросил свою душу. Я всё это понимал. Возник надлом, внутренний разлад, стыд за свою немощь, вина за несправедную жизнь и страх перед карой за грех! Так протомился я почти целый год, пытаюсь забыться в труде, в спорте, в деятельности и в бытовых делах.

Но развязка меня не минула. Произошло то, к чему всё шло. Прорвался час новой катастрофы. Душевная катастрофа породила телесную. В начале декабря, после полуночи, у меня начался тяжёлый сердечный приступ. Думали, что это случайность, что это пройдёт. . . Но на третью ночь, после очередного удара, меня увезла скорая помощь. Почти три недели пробыл я в Богенхаузенской больнице с острыми болями в области сердца, находясь между жизнью и смертью. Каждый раз, когда из палаты уходила Людмила, посещающая меня ежедневно, я не надеялся уже её ещё раз видеть. Каждый её взгляд казался мне прощальным, а каждая встреча – последней.

Я не надеялся даже увидеть нового 1985-го года. Однажды ночью, когда мне было особенно плохо, я просил сестру вызвать Людмилу. „Чем же может она вам помочь?“ – спросила сестра. „От неё исходит живительное излучение“ – ответил я по-немецки. „Штралунг?“ – недоуменно перепросила она. Но Людмилу вызывать не стали. Врачи предложили мне операцию на сердце. Я был в отчаянии, но отказался. И я что-то понял. . .

Господь поставил меня перед бездной смерти, чтобы напомнить, как скоротечна наша жизнь и как много надо успеть сделать. Он послал мне эту катастрофу, чтобы я заново осмыслил свою жизнь, чтобы я обновил основы и начала своей жизни, пока ещё есть время. А времени, быть может, уже осталось немного. В больнице я покаялся, что сколько бы не будет мне подарено времени, я посвящу его Богу и делу Господнему на земле.

К Рождеству меня выписали из больницы, ещё раз настаивая на операции. Я снова отказался. Меня могла спасти лишь Божья благодать, а не нож хирурга. Дома мне самоотверженно, душевно и жизненно помогала Людмила. Она показала, что перед лицом несчастья, перед лицом смерти она мужественнее и сильнее меня. Она вдохновила меня на новые действия, на новые усилия и свершения во время моей душевной растерянности. Твёрдость и мужество Людмилы были первым, послебольничным подарком свыше.

Вторым подарком было посещение нас Юрой и Верой Беловыми. Они пробыли у нас две недели, с ними мы встретили у нас новый 1985-й год. Людмила, а также Юра и Вера, внесли в мою жизнь столько живости, бодрости, участия и жизнерадостности в трудный час, что я до конца жизни буду сердечно благодарен им всё. Благодаря им троим я меньше чувствовал свои душевные и телесные муки, которые всё-таки упорно меня не покидали... Я шептал лишь – благослови, Господи, начавшийся новый год!

ГОД ПЯТЫЙ

ПОПЫТКА ПРЕОДОЛЕТЬ КАТАСТРОФУ. СКРОМНЫЕ УДАЧИ. РАЗМЫШЛЕНИЯ О НАСТОЯЩЕМ И БУДУЩЕМ

Начался 1985-й год – по тибетскому календарю год Вола, мирный, добрый и миролюбивый.

Но для меня он начинался тяжело и мучительно. 1-го января уехали Юра и Вера. Мы остались с Людмилой наедине с нашими бедами и горестями. Я находился на больничном листе, болезнь не проходила. Я страдал физически и духовно. Людмила выбивалась из сил, чтобы поддержать меня нравственно и жизненно. Преодолевая страдания, я мучительно искал выхода из катастрофы, искал путей изменения своей жизни. 4 и 6 января душевный надлом достиг предела, и я навзрыд

плакал, как ребёнок. Людмила утешала меня, как могла, вдохновляла на борьбу с несчастьем, на исполинский труд и новые дела.

Прежде всего, я начал усилия по очищению души и тела. С начала года я стал дважды, утром и вечером, молиться. Каждый раз я молился за семь начал:

- 1) за малые народы.
- 2) за большие народы,
- 3) за узников совести,
- 4) за добрых борцов и деятелей,
- 5) за рождение нового Господнего дела на земле,
- 6) за прощение и искупление всех своих вин перед всем сущим и живущим на земле, за упокой души замученных и соприкосновенных со мной, за родных и друзей, за Людмилу,
- 7) за восстановление во мне духовных и телесных сил, за дарование времени во имя поиска и донесения истины людям, во имя начала и продолжения дела Господнего на земле, во имя очищения души, озарения духа и одухотворения тела.

Я перестал считать грехи людские и начал считать свои собственные; я перестал видеть во враждебных людях и во враждебных силах врагов. Я начал обвинять, прежде всего, самого себя. Я просил милости у Бога к тем, кто причинил мне зло, и блага тем, кто сотворил добро. За свои грехи я просил послать мне искупление ещё на земле в виде тяжкого труда на поле Господнем, на строительстве невидимого здания Божьего. Я перешел, в основном, на растительную пищу и ограничил её количество. Когда меня привезли в больницу, я весил 83 кг. при росте 1 метр 70 см. 15-го марта 1985 г. я весил уже 68 кг., снизив вес на 15 кг. Я самовольно снизил до минимума приём четырёх лекарств, которые были мне прописаны, и два раза в день, утром и вечером, начиная с 7-го января, начал по 45 минут заниматься йогой.

В тот же день мы приняли решение подготовить к печати все духовные и общественные очерки, которые были начаты ещё на Востоке. В условиях физических и душевных страданий мы на следующий день, т.е. 8-го января, начали этот колоссальный труд.

13-го января в 22 часа 35 минут, во время вечерней прогулки, мне явилось видение... Прямая дорога, освещённая горящими факелами, ведёт в сумрачные, чёрные горы. Но за зубчатыми вершинами гор видно яркое, голубое сияние, как-будто перед восходом голубого солнца... Но в ночь на 20-е января я увидел себя во сне в зеркале при свете горящих свечей. Говорят, что это к смерти. 28-го января мне сделали анализы. В крови было повышенное содержание триглицеридов, давление крови было 140/100. 7-го февраля, на 32-м дне упражнений йогой, я впервые ощутил от них радость.

9-го февраля в 22 часа 5 минут мне на балконе после горячей молитвы, снова явилось видение: сначала среди мрака возникла маленькая молельня, построенная из брёвен и сияющая мягким, зеленоватым светом. Затем перед глазами явился залитый голубовато-зелёным лунным сиянием мраморный древнегреческий храм со стройной колоннадой, треугольным фронтоном и каменной лестницей ведущей к нему. Но края крыши храма были загнуты вверх, как у китайской пагоды. И, наконец, через несколько мгновений, мне совсем близко явился огромный греческий храм, похожий на предыдущий. Я мог разобрать в нем даже окна и узор колонн. Окна верхнего этажа были темны, а окна нижнего – ярко освещены. Храм имел вход в виде арки, он был широко открыт и оттуда, изнутри излучалось яркое, голубое сияние. Перед входом в храм, в ночной мгле, в благоговении стояла безмолвная толпа народа. Я стоял за толпой и видел сзади темно-коричневые силуэты людей. На этом видение исчезло.

15-го февраля я отказал казначею Международного общества прав человека господину Мюллеру, который пригласил меня выступить в мае на ежегодном слёте Союза немецко-российской дружбы в Бад-Наумбурге.

18-го февраля я послал в Лондон отказ Борису Георгиевичу Миллеру, который должен был в апреле организовать мне ряд встреч с членами британского Парламента. Предстояло ещё отказаться от приглашения в Женеву, где в августе должен состояться Конгресс политологов, посвящённый вопросам распада советской империи и возможного устройства послесоветской России. Конгресс организовывается Всемирной Академией Мира США. Так я начал осуществлять свою линию постепенного свёртывания внешней деятельности в мире, в которой инициаторами были различные силы.

22-го февраля я передал Егору Давыдову важные медикаменты для нашего друга Вячеслава Петрова, бывшего политзаключённого, жителя Ленинграда и недавно перенёвшего инфаркт. В попытках начать новую жизнь я решил, что надо теперь заботиться не только о благе народов и человечества через слово, но и помогать страдающим людям через дело. Этот принцип я буду стремиться всегда и неуклонно проводить в жизнь в меру своих возможностей.

3-го марта в 19 часов 30 минут, после молитвы, мне в очередной раз пришло видение. Над безбрежным голубым морем восходило чёрное солнце, от которого отходили багряные лучи. Постепенно чернота с солнца сходила, и оно становилось золотистым.

7-го марта я весь день напряжённо писал очерк о жизни Людмилы и её родителей. Я так расстроился, что к вечеру из глаз брызнули слёзы. Начинался сердечный приступ, который к вечеру удалось подавить.

В ночь с 11-го на 12-е марта мне приснилось, что чёрная кобра медленно зарывается головой в песок. Это несколько обнадеживало, ибо в песок уходила, как-будто бы, смертельная опасность.

Но рано я обрадовался. Уже 15-го марта, после 13.30, я испытал серьёзный гипертонический криз и были сердечные спазмы. Пульс был около 90, а давление крови 170/120. Но с тяжёлым физическим состоянием я справился и, в этот же день, в 17 часов 10 минут, после 66 дней напряжённой работы вместе с Людмилой, мы закончили, наконец, этот титанический труд и подготовили к печати четыре сборника, содержащие в общей сложности 1600 машинописных страниц. Для этого понадобились гигантские, духовные и физические усилия двух людей, ибо нужно было перепечатать, комплектовать, исправлять и делать корректуру всех этих 1600 страниц. Всё это рождалось в условиях телесных и душевных мук, ибо недуг меня до сих пор не покинул. На подготовительной для печати ступени нами было закончено всё, кроме этих заметок изгнанника, которые я сейчас пишу. Если Бог продлит мою жизнь, душа приобретёт чистоту, а дух озарение, то я надеюсь, во втором полугодии 1985-го года, написать ещё две поэмы – одну в прозе, другую в слово -ритмах.

И они будут, как я полагаю, содержать последние печатные слова, которые я хочу сказать людям, передать потомству и оставить всем друзьям по духу.

16-го марта мы выехали в отпуск в Кельхайм, где сливаются реки Альтмюль и Дунай. Это священное место кельтских, а затем и древнегерманских племён. Кельхайм также родовое гнездо баварских королей из династии Виттельсбахов. Людвиг Кельхаймский получил в 13-м веке Баварское герцогство, ставшее позднее королевством. Около Кельхайма Дунай пробивается через меловые скалы Юрских гор и называется это место Донаубрух (по-немецки – прорыв Дуная). Здесь когда-то проходила северная граница Римской империи и над дунайским ущельем стояла римская пограничная крепость. Мы посетили Бефрайунгсхалле, башню немецкой свободы, которая представляет собой цилиндрическое здание в классическом стиле. Оно воздвигнуто Людовиком I., королём Баварским, в середине 19 века на горе Михаэльсберг над Дунаем, в честь победы над Наполеоном. Посетив башню, мы мысленно пожелали немецкому народу дальнейшей свободы и воссоединения их многострадальной родины.

24-го марта мы совершили поездку через Донаубрух до Вельтенбурга, где, в живописной местности на берегу Дуная, находится старейший монастырь Баварии, основанный ещё в 6-м веке. В монастырской церкви мы сделали пожертвования и горячо помолились. По обоим сторонам Дуная высились причудливые меловые скалы Юрских гор, то с развалинами древнеримской крепости, то с пещерами дунайских разбойников, то со статуей святого Непомука, покровителя вод, то с церковью, высеченной в скале в 13-м веке, то с окаменевшей русалкой, то с тремя окаменевшими братьями. Позднее мы помолились в кельхаймском соборе, в том числе и за все души, погибшие за тысячелетия в этом дунайском ущелье. Наше путешествие-паломничество завершилось поездкой в 2000-летний имперский город Регенсбург, где мы помолились в величественном Домском соборе, осмотрели его древнюю Ратушу и гуляли по средневековому каменному мосту, ведущему через Дунай. Здесь, в Кельхайме, я допустил маленькую слабость и нарушил правила диеты, изредка употребляя мясные и сладкие блюда. Мы вернулись из этого путешествия с новыми впечатлениями и полные решимости продолжить наше дело. На этом я обрываю свои заметки о событиях на Западе и буду дополнять их, насколько позволит время. . .

/Продолжение /

5.4.1986.

Прошел ещё один год жизни после пребывания в Кельхайме. Богу угодно, чтобы я продолжил свои записи.

В 1885 г. в Германии Г. Даймлер и К. Бенц изобрели транспортную машину на основе двигателя внутреннего сгорания. Для человечества началась автомобильная эра. Для Людмилы и для меня лично автомобильная эра началась 100 лет спустя. И тоже в Германии. 1. апреля 1985г., несясь по извилистым дорогам Юрских гор в излучине Дуная, я сдал экзамен по вождению автомашины. Представитель Объединения по Техническому Надзору /Т.Ю.В./ ограничился замечанием: „Дас рейхт аус!“ /“Этого достаточно!“/.

15 апреля в Мюнхене мне вручили водительские права.

20. апреля я приобрел подержанную, мягко-зеленого цвета /официально „манильская зелень“/ и очень изящную по очертаниям автомашину „Ауди-80“, построенную на автозаводе в Ингольштадте. Она была в очень хорошем состоянии. Владелец, молодой немец из г. Мюльдорфа, вскоре уходящий в Бундесвер, с грустью и любовно сказал автомобилю последнее прости и передал её мне. Людмила нарекла автомобиль просто и сердечно „Савраской“.

Дорого и тяжело досталась мне эта маленькая победа в полувековом возрасте. Я потратил на приобретение прав более года времени и почти 2 средненемецких зарплаты. Затраты нервной и физической энергии неизмеримы. Почти столько же зарплат стоил сам автомобиль. Таким образом, полгода надо было работать только на обзаведение автомобильным хозяйством. Каков духовный и мистический смысл этого мероприятия? Я стал обладателем одной из 24 миллионов легковых автомашин ФРГ, губящих своими выхлопными газами леса Германии. Я стал также вероятным участником в каком-то числе 1.640 тыс. автокатастроф, ежегодно происходящих в ФРГ. Я становился также возможным ранящим или получающим ранение в 135 тыс. случаях увечья, убивающим или убитым в 11 тыс. случаях смерти, ежегодно наступающих в ФРГ в результате автокатастроф. Но эта мистически и духовно сомнительная и малооправданная эра породила и что-то новое.

5 мая началась 2-я эпоха открытия Западного мира, на этот раз собственной волей и силами, на собственных колесах.

В воскресенье 5. мая мы поехали через Фюрстенфельдбрук на озеро Аммерзее, которое встретило нас очень приветливо. Затем через монастырь Андекс и гор. Штарнберг мы возвратились домой.

В субботу 18. мая мы объехали озеро Тегернзее, и на следующий день поехали в г. Ландсхут, где еще в 15. веке произошла пышная свадьба сына короля Баварии Людвига Богатого с польской принцессой. Она настолько запала в память баварского народа, что в июне почти каждого года годовщину свадьбы отмечают торжественным и красочным средневековым карнавалом. Сюда съезжаются тогда сотни тысяч людей со всей Германии.

В субботу 25. мая мы посетили замок „сказочного“ короля Баварии Людвига 2-го Ной-Шванштейн, где его низложили, и находящийся напротив замок Хохшвангау, где он провел своё детство. Заночевали около красивого горного озера Титизее. На следующее утро мы совершили через южные отроги Шварцвальдских гор и швейцарский город Базель паломничество во всемирный антропософский центр в Дорнахе – в Гётеанум. Это округлое бетонное здание, отдалённо напоминающее череп человека, спроектировано самим основателем учения Рудольфом Штейнером /1861-1925/. Нас провели по этому очень своеобразному зданию, где гармонично рассчитанное пространство пронизывается таинственными эхообразными звуками и разноцветными лучами света, льющегося через огромные витражи. В 1970-1973 г.г. я изучал антропософию по книгам Р. Штейнера, которые мне в Таллинне давал покойный ныне г-н. Езер. Это учение заставило меня по-новому взглянуть на мир. Но мне показалось в Дорнахе, что это духовное движение уже прошло свой расцвет и держится на группе энтузиастов. Да и Гётеанум больше напоминал храм-музей, чем штаб всемирного движения. И почему-то нам с Людмилой там стало плохо с сердцем.

В субботу 1. июня мы поехали через озеро Шлирзее в предгорья Альп. На следующий день Людмила торжественно одела на меня крест, освящённый на Гробе Господнем и привезённый с Ближнего Востока г-жой Мондич. В воскресенье 9. июня мы посетили сказочный дворец

упомянутого уже „сказочного“ короля на острове Херренинзель на озере Химзее.

Людвиг 20-го, страстный поклонник французского короля Людовика 14., решил здесь, спустя 2 века, построить „Баварский Версаль“; но своими великолепными постройками опустошил казну Баварии, был низложен, затем найден утонувшим в озере Штарнберг вместе с лейб-врачем, и один из флигелей дворца по сей день остался недостроенным. Говорят, что в этом роскошном дворце король ночевал только одну ночь. Следует отметить, что перед этим, 9. июня, мы посетили его дворец Линдерхоф, где король почти в полном одиночестве, вел ночную жизнь в течении почти 20 лет. Многогранная зеркальная зала, где он при свете свечей по ночам мечтал, производит потрясающий зрительный эффект – на каждой зеркальной стене многогранного зала виден бесконечный ряд таких же зал, уходящих в даль. Отсюда через горный курорт Гармиш-Партенкирхен и красочное озеро Кохельзее мы вернулись домой. Позднее мы посетили город Ейхштадт и Тройхтлинген, а также проехали всю живописную долину реки Альтмюль, древнее место расселения германских племен.

22 июня, в 44-ую годовщину начала советско-германской войны, начался крупнейший автомобильный поход в нашей жизни. В это утро мы выехали из Мюнхена в Швецию. За день мы пересекли всю Германию с юга на север, через Нюрнберг-Вюрцбург-Кассель-Ганновер-Гамбург-Любек и, по настоянию Людмилы, заночевали в морском курорте на побережье Балтийского моря – в Грёмице. Остановились в чистенькой гостинице, где брали 25 марок с человека в сутки. Вечером мы посетили местную церковь и кладбище. Следующее утро было солнечным, и мы вышли на один из причалов, который выходил далеко в море. Вид родного северного моря так растрогал нас обоих, что Людмила даже заплакала от радости и грусти. Мы попрощались с морем и взяли курс на Данию. Проехав островную Данию и покружившись по Копенгагену мы разыскали семью Вайлей. Люся и Борис нас очень приветливо встретили. На следующий день мы ознакомились с Копенгагеном, посетили Королевскую библиотеку и познакомились с очень хорошими людьми – с Ненилой и Андреем Назаровыми, страстными почитателями умершего в июле 1980 г., барда безысходной советской жизни Владимира Высоцкого. Как ни хотелось расставаться, но время летело быстро, и нам пришлось ехать дальше в

Швецию. Мы остановились в городе Мальмё, у нашей давней приятельницы Лиетты Санден де Барреро, которая тоже нас хорошо приняла. С 26.6. по 4.7. т.е. за 9 дней мы исколесили почти всю южную Швецию от мыса Сканёр до заповедника Куллаберг. Были мы в Ангельсхолме и Бостаде, в Фалькенберге и Хальмстаде, посетив наших добрых знакомых Линду Ванаус, Лайне Бергрэн и Анне Янсен. Мы любовались темно-зелеными, густыми лесами, голубыми, чистыми озерами, чарующим, спокойным морем Швеции. Эти впечатления останутся на всю жизнь. . . .

Людмила всегда мечтала, и я немного тоже, после нашей тревожной и неустроенной жизни, на старость лет приобрести, пусть маленький и скромный, но наш собственный очаг. И недалеко от Ангельсхолма мы нашли старенький, одноэтажный домик с двумя комнатами и кухней. Цена её была низкой, по сравнению с ценами Центральной и Западной Европы; и мы могли бы приобрести её /30 немецких зарплат/, взяв кредит. Но там не было душа и ванной, воду надо было брать из колодца и санитарный узел находился вне дома. Поэтому Людмила отказалась от этой покупки. Даже возможность перестройки в будущем не убедила её, ибо она не была уверена в моем здоровье. А я сожалел, ибо знал, что лучшей возможности Бог, видимо, никогда не пошлет. Возвращались спешно, ибо времени было в обрез. Поэтому пришлось, к огорчению нашему, не выполнить обещания – посетить Вайлей и Назаровых на обратном пути. За день мы покрыли расстояние Мальмё-Франкфурт и оказались у нашего друга Ю. Белова. Отсюда же мы совершили автовылазку во Францию, проехав через Страсбург и Вогезские горы к озеру Жерадмер. На обратном пути, тоже в Вогезах нас застал страшный дождь, который лил как из ведра. В этих тяжелых условиях мы пересекли Вогезские горы и приехали к церкви в Гюнцбахе. Здесь учился играть на органе великий, очень мною чтимый мыслитель и прекрасный исполнитель Баха Альберт Швейцер /1875-1965/, и служил священником его отец. Тут же был дом, где родился Швейцер. Людмила была очень измучена поездкой и переживаниями с опасностями в пути. Она осталась у церкви. Мне же удалось под ливнем, сбивающим с ног, вклубиться на склон горы, где стоял гранитный монумент А.Швейцеру. Здесь я взволнованно произнес клятву-молитву перед светлой памятью творца этики „благоговения перед жизнью“, на склоне лет поехавшего в Тропическую Африку, создавшего больницу в

Ламбарене /Габон/ и лечившего здесь больных до своей смерти на 90 году жизни.

Затем мы поехали в Карлсруэ поближе познакомится с Е. Габовичем и его женой, оказавшимися приятными людьми. Они недавно приобрели в кредит на 25 лет бетонный дом, стоящий полмиллиона марок. По-моему это было очень дорого, и Евгений взял на себя очень тяжелое бремя.

7 июля мы были уже в Мюнхене. За эти две недели мы проехали 4.551 километр и вернулись обогащёнными впечатлениями. Господь поистине хранил нас! Мы много раз находились в пути в опасных положениях, но трагических происшествий не было. Всего за 1 год с апреля 1985 на „Савраске“ было наезжено безаварийно без малого 15 тыс. километров. Но кто знает, что принесет будущее.

В уикенд 20-21 июля мы совершили новую поездку во Францию, к ее национальной святыне в Домреми. Здесь мы посетили каменный, скромный крестьянский домик, где родилась спасительница нации Жанна де Арк /1412-1431г.г./. Были мы также в находящейся отсюда в 2 км. церкви Св. Женеьевы. По преданию, это было местом, где Орлеанская дева, пасшая здесь своих коров, впервые услышала звучащие с небес голоса, зовущие её к спасению Франции. Её родина изнемогала под бременем 100-летней войны и находилась на грани гибели. Место было, действительно дивным и мистическим. Со склона холмистой гряды открывался величавый вид на долину реки Маас. Казалось, что именно здесь одно из пространств вселенной, где ясно-голубое, малооблачное небо зримо сливается с синевато-зеленой землёй. Здесь сочетались браком две великие стихии. . . .

25-26 июля я по приглашению Всемирного Балтийского Совета поехал в Копенгаген и перед Балтийским Трибуналом, наряду с другими свидетелями, дал показания о положении в Эстонии.

В Копенгагене я посетил всемирно известный парк развлечения Тиволи. Детям здесь очень нравилось и во мне также проснулся чисто мальчишеский интерес к здешним головокружительным аттракционам. Но чувствовал я себя в Копенгагене очень плохо, был усталым и больным.

Вернувшись и посоветовавшись с Людмилой, я очень скромно решил задачу очага. Мы приобрели недалеко от озера Химзее крохотный летний домик на арендуемой земле. Аренда была почти 900 марок в год плюс расходы по содержанию. Так незаметно началась эра собственного малого очага на чужой малой земле. Месяц от середины августа до сентября пошел, на пристройку террасы к домику. Делал я все сам, включая землеройные, фундаментные, плотницкие, столярные, малярные работы и даже электропроводку. Было очень тяжело, и сердце барахлило. Я ощутил, что дом – это гроб при жизни, также как гроб – дом после смерти.

Именно в это время, как молния с ясного неба, ударила самая горестная весть этого года. 6. сентября я узнал, что в день, когда я копал землю под фундамент /4 сентября/, отдалённый от меня 3,5 тыс. километров и 9-ю годами разлуки, в спецлагере Кучино в предгорье Уральских гор умер мой дорогой и близкий друг, украинский поэт, мыслитель и борец за свободу – 47- летний Василий Стус. Я провел бессонную ночь, но на следующий день, на едином дыхании, написал некролог на его смерть. Наряду с воспоминаниями М. Хейфеца и К. Любарского он был послан в эфир через радио „Свобода“. Володя Малинкович, редактор журнала „Форум“, узнал, что передача о В. Стусе глубоко тронула сердца слушателей в Москве и Киеве.

Продолжать строительные работы я был больше не в состоянии и бросил все. Смерть В. Стуса меня глубоко потрясла, ещё раз показала как быстротечна наша жизнь и как надо поспешить закончить дело нашей жизни. В этом году, богатом событиями, бывшем началом автомобильной, паломнической и очаговой эпох в нашей жизни началась и 4-я, пока ещё очень малоуспешная /апрель 1986/, подготовительно- издательская эпоха.

Надо было начинать тяжелую борьбу за напечатание моих рукописей на Западе. Она началась с 10 октября 1986, когда мы с Людмилой приехали на Международную книжную выставку во Франкфурте. Мы пробыли здесь до 14 октября, узнав много интересного. 536 лет назад, в 1450 году, 20 лет после сожжения Жанны де Арк в Руане Йоганн Гутенберг в Майнце изобрел книгопечатный станок, положив начало эре книгопечатания в Европе. На этом станке Гутенберг отпечатал Библию. В 1983 г. в ФРГ было отпечатано 60.598, а во всем мире 765.000 наименований книг. И хотя в западной печати опубликовано более 30

моих работ, издана книга „Зарницы Возрождения“ /Лондон, О.П.И., 1983/, но напечатание моих философских, социологических, лагерных и западоведческих рукописей оказывается задачей почти непосильной. Европейский и американский мир, при всех своих колоссальных возможностях, после непрерывных усилий в течение полугода, всё ещё оказываются неспособными отпечатать хотя бы одну из моих рукописей.

22-25 ноября я принял участие в работе Лондонской конференции, организованной Европейским Советом Свободы /ЭВЦ/ и Антибольшевистским Блоком Народов /АБН/, выступил там с докладом о положении в Эстонии. Работа конференции проходила живо, и я познакомился с новыми, интересными людьми. Приют мне предоставила г-жа Анна Тару в посольстве Эстонии в Лондоне.

Старый год мы проводили скромно, у себя дома, и с новыми надеждами встретили новый. Так мирно закончился год Вола, год некоторых значительных побед и нового опыта, год большой неудачи в главном, в доведении плодов творчества до общественности свободного мира.

ГОД ШЕСТОЙ

ТЯЖЕЛАЯ И МАЛОУСПЕШНАЯ БОРЬБА ЗА ДОВЕДЕНИЕ ТВОРЧЕСТВА ДО ЛЮДЕЙ СВОБОДНОГО МИРА

1986 год по тибетскому календарю является годом Тигра, годом свирепым, могущественным и стремительным. Мы же решили, что этому году будет покровительствовать наш кот Лука – добрый, деятельный и быстрый. Перед Новым годом Людмила закончила вышивку Знамени этого года и торжественно, с освящением, вручила мне его. На знамени были изображены – быстротечная река /поток времени/, мельница /превращение зерен духа в духовную пищу/, лебедь /нежность и забота/, дом на пригорке /храм истины/.

Я повесил это знамя на стене своей комнаты. Пусть оно окрыляет, вдохновляет и защищает меня в грядущие, нелегкие времена.

Год 1986 действительно начинался трудно. Никаких успехов не было, издательства Европы и Америки отмалчивались или отвечали вежливым отказом. Мне все это, под конец, надоело. Не принято быть в роли попрошайки на свободном Западе, желая принести какую-то литературную пользу всему человечеству, делу Единства, Любви и Свободы народов.

25 января 1986г. я принял наконец решение – печататься только на немецком языке и попытаться издать рукописи на собственные средства. Во имя чего же я с 1983 года получал зарплату. Так после Самиздата на Востоке пришлось заняться самоизданием на Западе. Правда, здесь на Западе за это не сажают в тюрьму. Но зато облагают огромной денежной контрибуцией как заклятого врага. Я считаю одинаковым позором для мира и карательность Востока и бессердечие Запада, одинаково направленные против свободного мышления, тормозящие поиски истины в мире лжи, и поиски справедливости в мире насилия. Миллиарды долларов, фунтов, стерлингов и марок легкомысленно и беспечно кидаются Западом на ветер, а вот нескольких десятков тысяч марок /стоимость пары автомобилей среднего класса/ на

оплату перевода и печатания ни у кого не нашлось. . . Стыд и позор этой хваленной западной цивилизации! И одно из признаков её действительного заката!

В конце января, в свете новой тактики, мне предстояло найти приемлемые возможности по переводу рукописей с русского на немецкий язык. Мой друг Ю. Белов вызвался мне помочь отредактировать рукопись „Слово против меча“ и найти недорогих переводчиков. На переделку и перепечатывание „Слово против меча“ ушло ещё несколько недель кипучего труда, в котором деятельное участие приняла Людмила. На католическую Пасху /27-31 марта 1986г./ мы съездили к Ю. Белову во Франкфурте и вручили ему для перевода две рукописи. Как всегда Юра принял нас очень сердечно, хотя и тяжело переживал семейную драму. Мы нашли, что каждая поездка к Ю. Белову – это человеческое паломничество.

Но, к сожалению, в момент написания этих строк /10.4.1986/ – полгода с начала борьбы за книгопечатание – всё ещё нет никаких сдвигов. Нет даже ни одного законченного перевода на немецкий язык. Не увенчались сейчас успехом и попытки устроить на работу на радио „Свобода“ очень милых супругов Марковых, эмигрировавших недавно из ГДР в ФРГ, с которыми Ю. Белов познакомил нас во Франкфурте.

Господи, почему так в жизни все трудно даётся. Невольно вспомнишь предсмертные слова Владимира Соловьёва, сказанные им 86 лет назад /август 1900/: „Тяжела ты работа Господня!“.

И все-таки, что-то мне говорит, что надо уповать на лучшее, бороться до последнего, трудится не покладая рук – и Господь не оставит наше с Людмилой дело без победы, а нас самих – без милости!

10.4.86. Мюнхен

Что коротко сказать о Западе в целом?

Поле моих общественных наблюдений служила, в основном, Германия, пожалуй, наиболее благоустроенная страна Запада. Положение, сходное с Германией, занимают Австрия, Голландия, Дания, Норвегия, Швеция, Швейцария и, быть может, к ним отдаленно приближаются Канада и даже США. В остальных странах Запада дело обстоит хуже.

Начнём с недостатков социальной жизни в Германии, которые несколько уравниваются положительными явлениями. Основой сравнения будет служить чистая средняя зарплата немецкого рабочего в 2200 марок (нетто-зарплата).

1. РАБОТА. Высокая безработица, более 2-х миллионов безработных. Но зато высокие пособия по безработице (68% от последней зарплаты в течение года, социальная поддержка), а также значительные социальные пособия. Безработица охватывает, в основном, молодёжь, не имеющую специальности, и людей, не желающих трудиться на тяжёлых и простых работах, что возмещается наличием почти пяти миллионов иностранных рабочих.

2. НАЛОГИ. Сумма вычетов из брутто зарплаты, т.е. подоходный налог, пенсионное отчисление, больничная касса – очень высокая, достигая иногда 50 с лишним процентов от зарплаты. Но в конце года можно предъявить налоговому управлению целый ряд прав, льгот и затрат, в результате чего часть подоходного налога возвращается. За счёт пенсионных отчислений людям выплачивается пенсия. Если человек по достижению 60 лет не имеет 15-летнего минимального стажа для пенсии, то эти отчисления ему возвращаются. Отчисления на больничную кассу, обычно, 200-300 марок в месяц.

3. ЖИЛЬЁ. Очень дорогое. Трёхкомнатная квартира в хорошем районе стоит 1100-1300 марок (около половины нетто-зарплаты). Но зато квартиры высокого качества, их можно снять в любом месте, в любой момент.

Кроме того, на окраине города квартиры стоят дешевле. Малоимущим предоставляется удешевлённая социальная квартира.

4. ДОМА. Стоят баснословно дорого. Крохотный дом стоит не ниже 200-260 тыс. марок (нетто-зарплата за 8-10 лет). Но зато существуют

широкие кредитные возможности. Их ссужают с приемлемым процентом сроком до 25 лет и при этом снимаются налоги. Расплачиваться могут дети и внуки.

5. МЕДОБСЛУЖИВАНИЕ. Тоже не дешёвое. Господствует принцип прибыльности над принципом гуманности. Людмиле зубной врач вырвал 17 зубов, ибо это прибыльнее, чем терпеливо и долго их лечить. Мне, после первого же сердечного приступа, сразу же предложили операцию на сердце, ибо за это врачи получают сразу несколько десятков тысяч марок гонорара. Консервативная же терапия сердца для врача мало прибыльна. Поэтому много операций в Германии делается квалифицированно, но без особой для того необходимости. Баснословно дорого стоят зубные протезы. Без больничной кассы протезы для верхней и нижней челюстей могут обойтись до пяти тысяч марок (более двух нетто-зарплат). Если человек платит взносы в больничную кассу, то последняя оплачивает 60% стоимости протезов. Но в целом немецкая медицина высокоразвита, врачи внимательны и медперсонал всегда вежлив.

6. АВТОМОБИЛИ. Непомерно дорог курс обучения для получения водительских прав. Курс обучения может стоить для лиц пожилого возраста одну-две нетто-зарплаты. Зато дешёво стоят автомобили. Уже за 1000-1500 марок, т.е. за 70% от нетто-зарплаты, можно приобрести вполне пригодный подержанный автомобиль.

7. ПЕНСИЯ. Пенсионный возраст достаточно высок, достигая 60-65 лет. Пенсия выплачивается лишь при наличии, как минимум, 15 лет рабочего стажа в Германии. Стаж в Советском Союзе, если вы не гражданин ФРГ, не принимается и не засчитывается. Но зато существует система социальной помощи, которая малоимущим и не имеющим права на пенсию, выплачивает скромный прожиточный минимум и оплачивает жильё. Так, например, жили и мы первые годы на Западе, не имея работы или других постоянных источников дохода.

Теперь отметим положительные стороны.

1. Хорошее обращение. Вежливость, благожелательность, отзывчивость, воспитанность, чистота, порядок, очень низкая преступность (касается только вышеназванных европейских стран).

2. Высокая обеспеченность. Очень дешёво стоят пища, одежда и товары широкого потребления, выбор которых богат.
3. Доступность образования. Существует развитая система стипендий, пособий и кредитов, помогающая получить специальное и высшее образование даже самым малоимущим молодым людям.
4. Ознакомление с миром. Существует система дешёвых туристских путёвок в любое время года, что даёт возможность путешествий в различные части мира даже самым малообеспеченным людям.

Когда я просил Людмилу в двух словах сказать, чем отличается Запад от Востока, она ответила быстро и просто: „Полны магазины и нет слежки“. Этим она иносказательно отметила, что отличие Запада от Востока в Благополучии и Свободе.

Но благополучие ограничено вышеприведенными данными. Свобода же ограничивается тем, что в западных обществах исключительную силу, влияние и мощь приобретают невидимые и неформальные группы и сообщества людей, действующие по неписанным законам и незримо диктующие свою волю важнейшим областям общественной жизни. Во многих западных обществах эти тайные группы и группировки приобретают даже мафиозный характер.

Если общественным пороком Советского Союза является всемогущество единой мафии, то пороком западных стран является их дробление на полимафиозные силы. Общее могущество западной полимафии в своих странах лишь немногим уступает могуществу советской мафии. Преодоление безмерной власти и господства мафиократии на Западе и Востоке – дело совершенствующих сил их стран, народов и обществ.

И всё-таки я кратко хочу показать ценностное различие Запада и Востока.

Идеалом для Европы, для всех народов мира является Единство в Свободе и Любви.

На Западе есть Свобода. На Востоке существует Насилие. На Западе от Равнодушия приближаются к Любви. На Востоке от Ненависти

приходят к Равнодушию. Но ни на Западе, ни на Востоке ещё нет подлинной Любви.

На Западе существует Единство, основанное на Свободе и Равнодушии, или, иначе говоря, есть Полуединство.

На Востоке есть Единство, основанное на Насилии и Ненависти, или, иначе говоря, существует Разделённость.

Если Запад находится на полдороге к Единству, то Восток находится лишь в начале пути к нему.

Полуединству Запада в Свободе и в Равнодушии предстоит обрести Любовь и через это – полное Единство.

Но Разделённости Востока в Насилии и Ненависти предстоит обрести Свободу и Любовь, а через это – совершенное Единство.

Без торжества Любви, Свободы и Единства гармоническая жизнь лиц, народов и всего человечества – невозможна!

Любовь, Свобода и Единство достижимы лишь в ходе Возрождения, Преображения и Восхождения обществ и народов!

Что сказать о своём духовном и общественном положении на Западе?

На пёстром и блистательном небосклоне Запада я одинокая и скромная звезда. Я не принадлежу ни к одному созвездию; я не подхожу полностью ни к одной силе и ни к одному народу, хотя и ко всем отношусь благожелательно.

К правозащитным кругам я не подхожу, т.к. являюсь не позитивистом, а верующим, являюсь сторонником не только расширения прав, но политической борьбы и нравственного обновления, являюсь сторонником не только соблюдения советской законности, но добиваюсь создания, нового демократического государства в России, признаю важность не только прав, но и обязанностей, не только свободы, но и долга, не только самоутверждения, но и самоограничения.

К религиозным кругам я также не подхожу, ибо придаю большое значение не только духовным и вероисповедным, но и политическим и социальным вопросам, признаю не безусловную истинность лишь одной, единственной религии, но уважаю всякий достойный и само-

бытный путь к Богу, и стою за экуменическое сближение всех вероисповеданий Земли.

Для западноевропейских и американских кругов я, прежде всего, никем не рекламированный, мало известный и мало влиятельный выходец с Востока со странными и непонятными идеями.

Не полностью свой человек я и для народов Восточной Европы.

Русским не нравится, что я против принципа великой державы, единой и неделимой, что я за самоопределение народов, что отстаиваю жизненные права нерусских народов.

Нерусским народам кажется странным, что я признаю долю вины и ответственности за существующее зло и за ними, зову не только к освобождению и независимости, но и к искуплению вины, но и к моральному обновлению этих народов.

Мои эстонские друзья могут недоумевать, почему я много занимаюсь делами России и других народов, делом сближения Запада и Востока, делом создания единой и свободной Европы.

Наконец, для всех кругов и для всех сил кажутся непонятными мои настойчивые призывы стремиться к благу всего человечества в целом, стремиться к Возрождению всех народов и обществ земли в Единстве, Свободе и Любви.

Всё это внешне делает меня одинаково далёким от всех, но одновременно, внутренне равно близким ко всем.

Ни в одной мировой силе, ни в одном народе и обществе земли, и тем более, не в себе самом, я был не в состоянии обнаружить безусловную невинность, чистую праведность и полное совершенство. В определённой доле виновны, неправедны и не совершенны все.

Но я твёрдо признаю священное право и искренне призываю каждую мировую силу, каждый народ и каждого человека Земли искупать свою вину, добиваться большей праведности и достигать более полного совершенства. Никакая узкая вера и никакая узкая любовь не смогли уловить меня в свои сети.

Мой дух не вписывается ни в какую узость. Мой дух не признаёт никаких границ, не оправданных совестью, не оправданных моей верой

в Бога. Мне близко лишь всё то, что общезначимо, всеохватывающе и всечеловечно. Мне дорого лишь всё то, что оправдано моей совестью и моей верой.

Мой дух от Бога нисходит к человечеству, через человечество – к народам, и от народа – к человеку.

И наоборот, от человека я восхожу к народу и к человечеству, а через это – к Миру и к Богу!

И пусть я и впредь не буду понят людьми и народами. Пусть я и впредь останусь одиноким, непризнанным и нелюбимым.

Но я всегда буду ощущать себя частицей Всего, также как Всё будет вечно жить во мне!

(Кельхайм, 30.3.85 – 22 часа 05 минут)

* * *

После последней катастрофы, в конце 1984-го года, возникла новая необходимость оглянуться на прожитую жизнь и попытаться взглянуть в будущее, сколь бы малым или длительным оно бы не было.

По древнеиндийским учениям, наиболее глубоко проникшим в законы Вселенной, человеческая душа, в естественном и положительном русле развития, последовательно и восходяще воплощается сначала в касту слуг (Шудра), затем в касту работников (Вайшья), потом в касту воинов (Кшатрия) и, наконец, в касту священников (Брамин). Это – основные касты. Есть также более низкие и более высокие касты. Каждая каста является ступенью развития. И на каждой достигнутой ступени существуют все предыдущие и живёт предчувствие предстоящих.

Нечто подобное происходит не только в круге Великого Перевоплощения через цепь жизней и смертей, но и в одной, отдельно взятой, человеческой жизни. В моей жизни эти перевоплощения, без посредства смерти, прослеживаются очень ясно:

1. 1933-1944 г.г. были временем Боди или Вхождения в жизнь. Оно длилось от моего рождения до эвакуации из прифронтовой области в Вайвара, около Синих гор, где начались тяжёлые бои.

2. 1944-1955 г.г. были временем Шудры или Служения. Оно охватывает годы отрочества до окончания средней школы, годы труда на тяжёлых и простых работах. Я работал генераторщиком на сланцеперегонных печах в Кохтла-Ярве и шахтёром на шахте Кохтла.

3. 1955-1966 г.г. были временем Вайшыи или Деятельности. Оно включает в себя поступление в Ленинградский Политехнический институт и окончание его, работу инженером-машиностроителем на производстве и преподавателем технологии машиностроения в Таллинском Политехническом институте.

4. 1966-1977 г.г. были временем Кшатрии или Борьбы. Сюда входит начало поиска и распространение Самиздата, связи с правозащитными кругами, основание подпольной организации „Демократическое Движение Советского Союза“ в 1969-м году, и позднее – „Демократическое движение Эстонии“, участие в разработке программных документов ДДСС и ДДЭ, создание философских и политических работ, издание подпольных журналов „Демократ“ и „Луч свободы“, арест и заключение в Мордовских политлагерях, проведении и участии совместно с другими в стодневной политической забастовке в лагере в 1977-м году, что я считаю наиболее напряжённым мгновением своей борьбы, и многое другое.

5. С 1977г. до середины 80-х годов в моей жизни возникает время Брамина или Проповедничества. Оно началось с принятия на себя обязанностей Секретаря-идеолога ДДСС-ДДЭ, о котором я открыто объявил Советскому правительству из лагеря. Первые статьи, подписанные моим именем, прибывают на Запад и публикуются. После отбытия заключения и изгнания на Запад я продолжаю публицистическую, лекционную и радиоинформационную деятельность, проповедуя идеи Свободы, Любви и Единства. Опубликовано книги „Зарницы Возрождения“ в 1984-м году и подготовка к печати четырёх сборников в 1985-м году, очевидно, означают конец времени Проповедничества. Проповедническая задача моей жизни, видимо, приходит к своему завершению.

6. Мои глубинные чувства и явленные видения говорят мне, что из недр времени Проповедничества должно быстро родиться время

Риши или Подвижничества. Содержанием времени Подвижничества должно быть очищение души, просветление духа и одухотворение тела. Я должен обрести высшую Любовь и высшую Свободу. Я должен достичь подлинного Единства с Миром и Богом. Я должен возродиться для высшей Жизни, даже если она продолжится в потустороннем мире.

7. У меня уже нет никаких надежд достичь в этой жизни времени Бодисаттвы или Восхождения. Для этого потребовалось бы продолжительное время жизни на Земле и дарованные свыше огромные силы. И у меня нет веры, что Господь мне это время отпустит и эти силы дарует. Слишком грешна и недостойна была моя жизнь.

Но конечный замысел нашей жизни скрыт в непостижимой и бесконечной Мудрости Господней.

И лишь Бог – подлинный Владыка нашей жизни. Лишь в руках Господних оказывать нам милость или немилость, даровать нам новое время или призвать в лоно Своё!

Да будет же воля Господня!

Кельхайм, 27.3.1985 – 20 часов 22 минут.

С.Солдатов с А.Э.Ливитиным-Красновым в Люцерне. Швейцария. Май 1984 г.

Л.Солдатов с А.Э.Ливитиным-Красновым в Люцерне. Май 1984 г.

С.Солдатов с женой в Сальсомаджоре. Италия. Июль 1984 г.

С.Солдатов перед зданием Всемирного Антропософского Центра в Дорнахе-Гётеанум. Швейцария. Май 1985 г.

Выступление С.Солдатова на сессий Бальтийского Трибунала против Советского Союза 25 и 26 июля 1985 г. в Копнгагене.

Вид Дании с парома. Июль 1986 г.

Пикник в Голландии. Лето 1986 г.

Юри Эстам и Сергей Солдатов в эстонской редакции радио "Свободная Европа". Мюнхен. Германия. 1986 г.

Сотрудники эстонской редакции радио "Свободная Европа". Мюнхен. Германия. 1986 г.

Людмила Рославцева

В КЛЕЩАХ ГОЛОДНОЙ СМЕРТИ

Детям, погибшим в Ленинградскую
блокаду, посвящается

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ

Первый день войны. Кому он не памятен, из оставшихся в живых, из прошедших все её ужасы?

В этот день я вместе с родителями была в Петродворце, одном из любимых мест отдыха ленинградцев. Отцу дали отпуск и мы приехали в Ленинград. Жаркий солнечный июньский день, толпы гуляющих по аллеям и дорожкам, бегает детвора, из репродукторов несутся веселые мелодии, слышится смех, веселые разговоры, шутки. Все мирно, ничто не предвещает страшных событий, которые уже рядом.

И вдруг все резко изменяется: из репродукторов, огромных, похожих на трубы старинных патефонов, доносится хрип, минутное молчание и

торжественный голос с надрывом сообщает о речи Молотова. Парк пустеет, замолкает, люди собираются под репродукторами большими толпами и молча слушают. Комментариев нет, только настороженное молчание и тревога повисли над толпами. Но ненадолго. Неожиданно, ещё до окончания речи, люди в панике бегут на вокзал. Поддаются общему настроению и мои родители. Мы на вокзале. Трудно описать то, что происходило. Даже в последующие военные годы мне не приходилось видеть такой сумятицы: свалки у касс, крики детей и женщин, мат мужчин, то тут, то там возникающие драки, шум, гвалт. Подают состав, и тут все, позабыв об обидах и очереди за билетами, бегут на перрон. Посадку нельзя назвать этим словом – это была давка друг друга: лезли в вагоны, не только в двери, но и в окна, влезали на вагонные сцепления, карабкались на крыши. Наконец дали сигнал отправления. Помню, в нашем вагоне был пьяный, подравшийся с кем-то и весь в крови. Этот кто-то разбил ему бутылкой голову. Вид крови всех несколько утихомирил. Люди, находившиеся около него, старались помочь ему, остановить кровь. Дальше до Ленинграда ехали в почти затихшем вагоне. То, что мы увидели в городе, повторяло с нюансами панику в Петродворце. Казалось, что весь город вышел на улицы, у всех магазинов, будь то гастроном, булочная или керосиновая лавка, стояли нескончаемые очереди. Люди кинулись закупать все подряд: продукты, медикаменты, свечи, мануфактуру, обувь. В этот день магазины, видимо, выполнили план продажи на все предстоящие военные годы.

Приезжаем домой. Наш пятиэтажный дом похож на потревоженный улей: мужчины уже получили повестки из Военкомата, женщины, рыдая, собирают мужей, братьев, отцов, дети, глядя на суматоху и слезы матерей, захлебываются от рева. Отец мой не получил повестки, но тут же ушел на сборный пункт, который в нашем Петроградском районе находился в Доме Промкооперации на ул. Л.Толстого. Он не взял никаких вещей, как был, так и ушел. Через час он вернулся и сказал, что ему предписано вернуться по месту работы, а именно, в Мурманск. Это был город его ссылки, „почётной ссылки“, куда он был направлен после убийства С.Кирова Ленинградским Обкомом партии, где он работал до ареста брата мамы, обвиненного как „врага народа“. Всей семьей в этот же вечер мы выехали в Мурманск. Начался этот день в поезде и закончился также на колесах.

ПРЕДБЛОКАДНЫЙ ЛЕНИНГРАД

(Эвакуация)

Мурманск нас встретил напряжённым ожиданием чего-то страшного, непоправимого, но паники в городе не было. Полным ходом шла эвакуация, город уже бомбили, порт был закрыт и оцеплен (раньше мы, то есть дети, в него легко проникали), дома горели (довоенный Мурманск был почти сплошь застроен деревянными домами и даже мостовые были деревянные).

Через неделю мы были снова в Ленинграде. Не знаю, что уж сказали отцу в Мурманском Обкоме партии, но мы вернулись снова в Ленинград. Встретивший нас город был уже не тот, что 21-го июня: строгий, пустынный, очередей нигде не было. По квартирам началась компания сбора перевязочного материала: бинтов, старых простыней, белья. В нашей школе разместился военный госпиталь и туда каждый день привозили раненых. Большинство мужчин ушло на фронт. Через несколько дней после нашего возвращения ушел на фронт и мой отец. Маму взяли на оборонительные работы под Пулковку. Я же осталась девятилетним ребенком совсем одна. Но моя самостоятельность продолжалась недолго. Через пару недель мама вернулась. Город ещё не бомбили, но, видимо, ожидали налетов. В квартирах жилых домов стали делать светомаскировку окон, так как электричество ещё было. На окна шло все: одеяла, платки, пальто, простыни, кто что имел. Жили не богато и найти лишние вещи было не просто. Дворники следили за тем, чтобы окна были тщательно замаскированы. Позже, когда начались бомбёжки и обстрелы, было приказано заклеивать окна бумагой крест на крест, якобы, тогда стекла не разбиваются. Сначала это распоряжение было принято населением с энтузиазмом, но потом люди поняли, что это не спасает, и бросили оклейку окон. В городе началась эвакуация. В первую очередь вывозили заводы, фабрики, институты, лаборатории и специалистов для наладки, сборки цехов и исследовательской работы на местах. Почти одновременно с этим была объявлена эвакуация детей. Создавались так называемые детские дома. Дошла очередь и до меня. Хотя мама не хотела меня отдавать в этот „детский дом“, но знакомые все наперебой советовали ей отправить меня, и она решилась. Собралось нас бедолаг целый эшелон. На

вокзале, конечно, рыдания, крики, наказания писать, советы, как себя уберечь – обычные материнские заботы. Вещей у каждого из нас было не много: две смены белья и кулечек продуктов из дома. Вот и все. Как можно было отправлять детей без теплой одежды? На что рассчитывали? На что надеялись? Ведь близилась осень, хотя на дворе стоял июль и было жарко. Все было не продумано, плохо организовано. Везли нас не долго. Высадили на станции Вологда и развезли по разным домам в округе. Наш детский дом стоял на пригорке, внизу текла маленькая речушка, в которой мы и мылись и стирали свое белье. Уже через неделю – полторы стали ходить слухи, что нас отправят дальше, а сейчас, мол, ждут писем от наших родителей. Вопрос стоял так: кто захочет, чтобы их дети вернулись, те поедут обратно в Ленинград, те же, кто согласится на дальнейшую отправку, поедут дальше. Куда? Кто это знал в тот момент? Везли туда, куда еще можно было проехать, в полную неизвестность. Разделились, приблизительно, поровну: половина назад, половина дальше. Я попала в число первых. Сюда нас везли ещё в дачных пассажирских вагонах, обратно – уже в товарных с боковыми нарами в два этажа. Сколько мне предстояло путешествовать по стране вот в таких вот „телячьих“ вагонах, как их тогда называли? Но это будет позже, а сейчас я лежала на нарах второго этажа и делилась нехитрыми детскими секретами со своей подружкой. И не ведали мы, что это наша последняя душевная беседа, что одной из нас уже через несколько часов не будет в живых. Выехали мы под вечер и ночью наш эшелон попал под бомбежку. Состав остановился. Воспитатели открыли дверь и скомандовали: „Бегите в ближайший лес!“ Мы выпрыгнули из вагона. Кругом тьма, которая освещалась только разрывом бомб, голое поле и где-то вдаль чернел лес. Мы с подружкой, ее звали Нюся, выпрыгнули вместе, упали. И тут последовал страшный взрыв. Очнулась я в полной тишине. Долго не могла понять, что произошло. Когда пришла в себя, то побежала к лесу. Блуждала я долго. На мои крики никто не отзывался. Приближался рассвет. Очень хотелось есть. Не знаю, как назвать действия наших воспитателей, давших нам на дорогу в качестве „сухого пайка“ по два сырых яйца. Что от них осталось в ночной сумятице? – одна скорлупа. Забыв обо всем, я начала собирать ягоды, которых в этот год было на редкость много. Вдруг я вдаль услышала голоса. Прислушалась, их было много. Кто-то кричал, аукал. Я откликнулась. Занимаясь сбором ягод, я довольно далеко зашла в лес, а ребята, как выяснилось позже, бродили здесь ещё с ночи. По дороге к составу нашлись ещё несколько

человек. К вагонам мы подходили уже гурьбой. Состав стоял на прежнем месте. Со всех сторон к нему тянулись в одиночку и группками дети. Залезли в вагоны и, забравшись на нары, стали вспоминать события минувшей ночи. Нюсю я больше не видела, она погибла при бомбежке, и не только она одна, как позже мы узнали. До вечера мы ждали нового паровоза и отцепления двух пострадавших во время налета вагонов. Остаток пути прошел благополучно, и к утру мы прибыли в Ленинград, где нас встречали взволнованные и истерзанные неизвестностью родители. Весть о бомбежке дошла до города, и родители, извещенные о нашем прибытии, уже долгие часы ожидали эшелон. Радость встречи с родными и близкими заглушила голод, ведь мы вторые сутки были без еды. Так закончилось разделение судеб ленинградских детишек на две: одним было суждено мытарствоваться без дома и родных по „детским домам“, другим было суждено изведать и голод, и холод, и бомбежки, и обстрелы, и потерю родных и близких, которые погибали, чаще всего, раньше их. Так закончилась для многих из нас эта нелепая эвакуация из Ленинграда в Вологду. Впереди была осень и страшная блокадная зима.

ОСЕНЬ

Осень была, пожалуй, самым деятельным временем для населения города. Коммунистическая партия и советское правительство были заняты переброской в тыл заводов и фабрик, которые могли быть в короткий срок переоборудованы в предприятия, дающие военную продукцию под лозунгом: „Все для фронта, все для победы“. А население города ковало бытовые резервы, ибо, как говорили старые люди, быть страшному голоду и суровой зиме. Все ринулись за черту города на поля, куда еще можно было проехать на казенных полуторках и трёхтонках за оставшимися после уборки нижними капустными листьями (хряпой) и перекапывать картошку. Вспоминаю как мама привезла целый большой мешок этих капустных листьев, а посуды, чтобы их засолить у нас не было. Что делать? Не пропадать же такому ценному продукту. Решили использовать мой аквариум. Рыбки уже к тому времени все вымерли без корма. Засолили капусту в этом аквариуме. Как она нас выручила зимой!

Продукты тогда ещё регулярно выдавались по карточкам.

8-го сентября 1941 г. разбомбили Бадаевские склады. Горели они несколько недель. Патока текла по улицам. Люди собирали её. Позже собирали и землю, впитавшую в себя горящий сахар. На черном рынке в эту зиму продавали куски этой земли. Мне не довелось её попробовать, но от других я слышала, что она имела не только и не столько сладкий вкус, сколько жирный и противный до тошноты. Этот день стал днем ленинградской трагедии. Горели не склады, горели человеческие жизни. Ещё тогда, в сентябре, было ясно, что город обречен на вымирание. 28-го сентября сомкнулось кольцо блокады вокруг города. А двадцать дней до этого сгорели городские продовольственные склады. Трудно себе представить, как могло случиться, что развозились, укрывались книги крупнейших, ценнейших библиотек, сокровища музеев и дворцов, эвакуировалось оборудование заводов и фабрик, а продовольственные склады оставались на месте? Знали же ведь власти, что будут и бомбежки и обстрелы, и что очень велика возможность попадания в склады снарядов и бомб, и, больше того, именно их в первую очередь будут бомбить. Почему же не раздали продукты населению, как это было сделано в Москве? Почему не развезли по складам магазинов, хлебозаводов, по складским помещениям города? Почему не рассредоточили эти колоссальные запасы продовольствия для миллионного города? Почему именно ленинградцы должны были испить эту горькую чашу людских потерь от голодной смерти? О том, что это простая халатность или не хватка времени, не могло быть и речи. Ведь времени было два месяца и многое можно и нужно было сделать в этом плане. А что было сделано? Ничего! Все эти вопросы возникли не сейчас и не только у меня. Они витали в воздухе в те страшные осенне-зимние дни. Об этом говорили в очередях, на службе, на улице. Но был хороший и соответствующий моменту ответ у власть имущих: „ Немцы обстреливали и бомбили город. Немцы ликвидировали Бадаевские склады “. Все просто и убедительно, когда враг стоит у ворот в полном смысле этого слова. Виновник найден, все ясно, и точка. Но народ понял и другое, что этой теме лучше не касаться, лучше не задавать на каждом углу всех мучивший вопрос. Немцы, так немцы. И не только тогда эта тема была нежелательной и даже опасной, но и сейчас, спустя 43 года, её очень осторожно обходят в своих воспоминаниях бывшие блокадники. Констатируют факт: „Да, Бадаевские склады сгорели и начался голод“. Глубоко захоронена истина: кто умер – не заговорит, кто жив – молчит,

а время и этих приберёт. И не этим ли объясняется столь затянувшееся молчание о жизни, о повседневном быте заблокированного города? Много написано об обороне города, о том, что сделано было для населения голодающего города страной великой, о военных операциях по прорыву и снятию блокады, но голосов самих блокадников, воспоминаний очевидцев, чудом выживших, пришлось ждать 35 с лишним лет. Чего ждали все эти годы? – что вымрут все бывшие блокадники...? Что правда, то правда – не много их осталось. В журнале „Новое время“ №11, за 1978 год были опубликованы главы из „Блокадной книги“ писателей Адамовича и Гранина. Эта книга – страшный документ преступления, совершенного не немцами, а „родной“ советской властью. На страницах этого труда Адамович и Гранин, вставляя свои комментарии в воспоминания блокадников, не раз извиняются за столь долгое молчание, объясняя его гуманизмом, не позволявшим бередить раны, переживших ту страшную зиму. Какая забота, какое внимание! Но так ли это? Я хочу, чтобы меня поняли правильно. Ни в коей мере я не оправдываю преступлений немцев во Второй Мировой войне и по отношению к мирному населению Европы и России.

Но Германия понесла страшное наказание за свои злодеяния, и до сих пор наказана разделением страны на две части. Но в ленинградской трагедии виновны не только и не столько немцы, но, главным образом, советское правительство, допустившее уничтожение Бадаевских складов и тем самым обрекло население города на голодную смерть. И не потому ли очень быстро был закрыт музей „Блокады Ленинграда“ (в 1949 г.) и слит с музеем Истории Ленинграда. Он просуществовал очень короткое время. Я была в нем, и, надо сказать, что несмотря на то, что я сама пережила её, впечатление было ужасающее: как будто снова вернулась в ту жуткую зиму. Собрали и оформили его блокадники. Только они могли сохранить весь колорит голодного ужаса, холодной и темной зимы смертей, а инициатором была О. Берцольц – блокадная Мадонна, находившаяся в городе и поддерживавшая ленинградцев своими стихами, выступавшая по радио. Чтобы не возникало у сегодняшнего посетителя, да еще, не дай Бог, иностранца нежелательных вопросов: зачем да почему – слить его с другим музеем, растворить эти ужасы в богатой и прекрасной истории города.

Сейчас не могу точно припомнить, когда начались бомбежки и обстрелы, но первое время они действительно приводили в ужас. При

объявлении воздушного налета, все бросались в бомбоубежища. Брали с собой все, что могли унести: теплые вещи, постель, продукты, дети тащили игрушки, старики – свои реликвии. Бомбоубежища были темные, неустроенные, чаще всего сидели без света, в духоте. Я не случайно на первое место поставила теплые вещи. Дело в том, что когда в дом попадала бомба, то люди погибали от холода в бомбоубежищах, пока их находили и откапывали. Пока была вода, то зачастую население гибло в затопленных бомбоубежищах. Они были, как правило, могилой для тех, кто там находился, заваленные остатками дома и умирали от недостатка воды, воздуха, пищи. Люди поняли, что тратить силы на то, чтобы спускаться с пятого-шестого этажа в бомбоубежище, не стоит. В них просто перестали ходить. В народе было замечено, что лучше всего во время воздушного налета или обстрела, укрываться в тамбурах между входными дверями, они оставались целы. А месяца через три и вообще перестали обращать внимание на обстрелы и бомбежки, оставались дома и продолжали свои дела. Помню, как собираясь ко сну, мама говорила мне, что нужно одеться на случай, если дом пострадает и нас завалит. Одевалось все, вплоть до шубки и валенок с калошами. За пазухой иногда было что-то съестное. И вот в таком полном „боевом снаряжении“ укладывались спать.

Несмотря на то, что бомбежки и обстрелы усиливались, спасало нас одно – немецкая точность. Еще тогда, в 41 – 42 годах оценила я её. Обстрелы и налеты начинались в строго определенное время, минута в минуту. Это и объясняет тот факт, что от снарядов и бомб погибло значительно меньше людей, чем от голода. Об этом рассказывают в своих воспоминаниях и сами ленинградцы.

Сейчас не могу припомнить порядок и точное время всех суточных налетов и обстрелов, но точно помню одну цифру – семь часов вечера. В шесть часов или около этого времени, собирались на нашей коммунальной кухне жильцы и ужинали вместе. К сентябрю-октябрю в квартире оставались две семьи из трех: я с мамой и другая семья – бабушка, дочь и ее пятилетний сын Вовочка. От голода ещё не умирали и третьей семьи не было с нами не по этой причине. К началу войны она состояла из одного человека – девушки 18-лет, родители которой умерли еще до войны. Она же, по совету родственников и знакомых, ушла в дружинницы.

Все продукты, которые тогда еще выдавали по карточкам, измерялись мамой столовыми ложками (сахар, крупа, мука), а конфеты, печенье,

сухари – по штукам. Все сразу не расходовалось, а делилось на все дни, оставшиеся до следующего получения продуктов. К тому же до войны у нас в семье было заведено закупать непортящиеся продукты впрок, чтобы хватило на две недели до следующей зарплаты. Так и скапливались они раз от раза понемногу. Делалось это не из желания создать НЗ (неприкосновенный запас), а из экономии времени. Эти продукты тоже были перемерены ложками и сосчитаны. Тогда осенью мне казалось, что этим продуктам не будет конца. Ох, как я ошибалась и как вспоминала их в декабре-январе!

Так вот, собирались мы на ужин и делили все поровну между пятью. Едим и не спускаем глаз с часов, которые повесили на кухне, успеть бы до семи, когда начнется налет. Наш малыш Вовочка всегда съедал все первым. Он очень боялся, что взрослые успеют все съесть, а он нет. Ел он смешно. Заталкивал еду за обе щеки и закрывал рот ладошками, чтобы не сыпались крошки. После ужина можно было идти спокойно спать – сегодняшний рацион съеден, больше ждать нечего. Ровно в семь часов вечера метроном прекращал свое нудное щёлканье и диктор очень торжественно объявлял о налете вражеской авиации на город. Но мы в „полном боевом обмундировании“, как прозвала его мама, уже лежали в своих постелях.

Сентябрь-октябрь были очень беспокойными месяцами. До окон нашей кухни доносились пулеметные очереди. Враг был уже совсем рядом. Передачи радио сократились до минимума, ограничиваясь сводками информбюро, патриотическими песнями и выступлениями. Всех мучил один вопрос – будет ли город захвачен немцами или нет. Этот вопрос обсуждался и на нашей кухне взрослыми. Помню один из сентябрьских дней. Сажу в комнате, рисую и, вдруг, до меня доносится разговор из кухни. Сначала голос соседки слышу: „А что, Ксения, делать будем, если город возьмут?“ И мамин ответ, который помню дословно по сей день: „Для меня вопрос решенный. Илья (мой отец) коммунист и на фронте. Немец не пощадит. Я себе и Люсе камень на шею, и в Неву“. Конечно, этот разговор был не для моих ушей, но произвел на меня страшное впечатление. Что-либо спрашивать я не могла, понимая, что подслушала разговор, хотя и не желая этого, но сделала для себя вывод: надо постоянно слушать радио, надо не пропускать ни одной сводки информбюро, а в случае чего, бежать из дома. Главное не пропустить момент. Куда бежать, к кому бежать и что делать дальше, я не думала. От этой большой, черной и, как мне казалось, магической тарелки,

которая называлась репродуктором, я не отрывалась. Продолжалось, правда, это не так долго, так как появилась более насущная забота – выжить не в занятом немцами городе, а в заблокированном и голодном городе.

Приближалась зима, а с ней холода и десятки мелочей быта, которые сейчас кажутся немыслимыми. Одной из них была заготовка топлива на зиму. В нашем районе находилось много деревянных домов, что было не характерно для других районов города. Сразу же за Крестовским мостом начинались улицы, почти сплошь застроенные деревянными домами. А с нашей стороны Невы располагался лесопильный завод, который наряду с Печатным двором имени Горького, находящимся недалеко, были объектами пристального внимания немецких ассов, бомбивших город. Домов разбитых было много и они сразу же после налета разбирались на дрова. Впрочем, на топливо шли не только дома, а все, что могло гореть и греть: мебель, книги, фанера, стружки. Добытое топливо приносилось в квартиру, подальше от чужих рук. Было оно на вес золота. Мы складывали его в тамбуре между входной дверью и дверью, ведущей в коридор, в месте, где прятались от налетов и обстрелов. Осенью силы у населения еще были, и люди приходили в наш район за топливом издалека, готовясь к лютой зиме, которую пророчили старые люди. К проблеме пищи и топлива зимой прибавится и проблема воды.

ЗИМА

*„Умерли все. Осталась я одна“.
(Из дневника Танечки Савельевой).*

Как ни готовились к этой зиме, она оказалась страшнее жуткого сна наяву. Хлебные нормы уменьшались с каждой декадой, дойдя до 125 граммов. Другие продукты не выдавались. Город затих. Морозы крепили. Голод, уже косивший людей, приготовился к последней схватке с оставшимися в живых. Даже квартиры пропахли голодом. Да, есть и такой запах, пусть не удивляется читатель. Голод имеет свой запах. Его трудно объяснить или описать. Он ни с чем не

сравним – это сочетание последнего дыхания умирающего от голода человека с затхлым воздухом опустевшей и нетопленной квартиры. Но люди сопротивлялись, кто как умел. Каждый день я ходила за хлебом в ближайшую булочную. Помещение ее было очень маленькое. На прилавке горел фитилек (света уже не было). Продавщица внимательно рассматривала талоны на хлеб, резала очередной из них, затем отвешивала пайку и обязательно с довеском. Работала она очень медленно, а очередь стояла большая. Всем места в булочной не хватало, а место это было желанное: там было все же теплее, чем на улице, и пахло хлебом. Стоять же на улице было нестерпимо холодно. Запомнился мне такой случай. Стоим мы в очереди и около нас крутится мальчонка, приблизительно моего возраста, может быть, чуть помладше, лет 8 – 9. Вся очередь, в том числе и я, очень внимательно следим за ним, чтобы он не проскочил в булочную. Он был страшно худ, грязен, в какой-то, видимо бабушкиной старой кофте, огромные не по росту валенки, на голове повязан шерстяной платок. Он все время прыгал с ноги на ногу и хлопал себя красными от мороза руками. В какой-то момент меня что-то отвлекло и вдруг слышу крик: „Помогите!“. Тут произошла свалка. Вся очередь ринулась на этого мальчика, сбила его с ног и била кто чем – ногами, кулаками, сумками. Рядом стояла старушка и плакала, причитая: „Всю пайку, всю пайку отнял негодник!“. Женщины не унимались, продолжали бить парня, а он, лежа на снегу, под ударами, сыпавшимися на него, ел хлеб, прижав его ко рту обеими руками и не обращая никакого внимания на окружающую его толпу. Неожиданно толпа отпрянула от него. Он неподвижно лежал на снегу, такой жалкий, скорчившийся комочек, из носа и рта текла кровь, глаза застеклянели и с какой-то страшной болью смотрели на толпу. К нему наклонилась старушка, у которой он отнял хлеб, и, перекрестив, накрыла своим платком его лицо. Очередь замерла. Никто больше не произнес ни одного слова. Мальчика оттащили к стене дома, и там я видела его труп еще несколько дней, проходя мимо в булочную. Сцена эта запомнилась на всю жизнь, как эталон доведенного до иступления голодного человека. Ведь били-то до смерти этого мальчонку чьи-то матери, бабушки, сестры. Случаи кражи хлеба были не редки, но грабители, как правило, имели больше силы и сноровки, чем этот парнишка, и быстрые ноги уносили их от преследователей. Чаще всего, получив хлеб, человек съедал его тут же или по дороге домой, а дома ложился, чтобы сохранить силы до утра, когда снова можно будет получить дневную пайку.

Глубокой осенью и в начале зимы мама ходила еще на работу в библиотеку. Она, кроме обычных забот о сохранении ценных книг, занималась, как и другие ее коллеги, розысками старинных книг о травах съедобных и целебных, рецептов приготовления живительных отваров и напаров. Дома я оставалась одна. С самого начала войны мамой был введен жесткий и неукоснительный распорядок дня, висевший над моей постелью: подъем в 8-мь часов утра, еда, несмотря на ее малость, три раза в день, запрещалось лежать днем в постели, и далее шел список моих обязанностей. В них входило – убрать комнату, щипать лучины для самовара и ставить его, разжигать печурку-временку и сушить на ней хлеб, следить за своим бельем (в связи с голодом и недостатком воды появлялись вши), ходить за чечевичной кашей в столовую-кухню, получать в булочной пайку. Где-то, в начале зимы, для семей военнослужащих комсостава были организованы кухни, где выдавали по талонам, по ложке на каждого члена семьи, жидкую чечевичную кашу.

С походом за этой кашей связано еще одно сильное блокадное переживание. Ходить приходилось довольно далеко и я, желая сохранить силы и зная с довоенных времен все проходные дворы, сокращала свой путь до минимума. Силы нужны были мне для других дел, которыми я уже занималась по собственной инициативе. Но о них позже. Так вот, иду я однажды по нашему школьному двору, скашивая угол, и какое-то детское любопытство потянуло меня заглянуть в бомбоубежище школы, к тому времени совершенно заброшенному и никем не посещаемому. То, что я увидела, потрясло меня. На площадке, где кончались ступеньки, перед дверью в бомбоубежище, на полу, вниз лицом, лежал голый ребенок лет 4-5 со срезанными ягодницами. Я, как ошпаренная, отскочила от лестницы и без передышки бежала до кухни-столовой, мне казалось, что кто-то меня преследует. Дома я не рассказала об этом, понимая, как ужасно то, что я видела и не желая расстраивать маму. Несколько дней я наотрез отказывалась идти за „кашей“, но голод взял свое и, выбрав другой короткий путь, я продолжала походы за ней. После этого случая покойники, которых было много на улицах, уже не волновали меня и не пугали. Ко всему привыкаешь!

Случаи каннибализма были не часты, но были, и об этом факте в советской печати не найдете сведений. Приведу еще один известный мне случай. В нашем доме жила молодая женщина, вышедшая перед

самой войной замуж. Муж её с первых дней был на фронте. Жила она одна. К тому моменту, о котором идет речь, в квартире из всех жильцов оставалась еще старушка соседка, которая уже не вставала. Выхожу я как-то утром за хлебом и вижу эту молодую женщину, скрючившуюся на лестнице. Вид у нее был страшный, хотя, конечно, и все мы не блистали привлекательностью в ту пору, – растрепанные, слипшиеся волосы, обтянутое пергаментной кожей лицо, громадные глаза, полные ужаса и боли. Я кинулась стучать во все двери и звать на помощь. Никто не отзывался. Побежала в жилищную контору. К счастью там был кто-то из работников. Ей оказали помощь. В ту голодную зиму она родила своего первенца. Ребенок был, видимо, очень слабым. Первое время мы слышали его плач, но скоро он затих. Позже мы узнали, что он умер. Обезумевшая от голода и горя, мать съела свое дитя. Весть эта пришла от тех же работников жилищной конторы, в обязанности которых входило время от времени посещать квартиры и выяснять кто жив, кто умер. Это им было нужно для выдачи карточек, так как живые использовали карточки умерших, а такие случаи были сплошь и рядом. Карточки выдавались по месту работы, если человек работал, или по месту жительства, то есть в конторе при домоуправлении.

Но продолжу рассказ о нашей жизни, о нашей квартире, которая была похожа на тысячи ленинградских квартир.

Я уже упоминала о мальчике Вове, жившем рядом с нашей комнатой. Мать его с утра уходила куда-то, и он оставался с глухой бабушкой, совсем немощной. Скучно ему было и страшно одному. Как только мать уходила, он приходил ко мне. Нас объединяла любовь к рисованию. У меня было много альбомов, красок и карандашей. Он часами пыхтел, раскрашивая картинки в книжках и рисовал самолеты, танки. Кушать он не просил, но время от времени спрашивал меня: „Люся, а когда война кончится, мы будем есть кашу полной ложкой?“. Дело в том, что во время наших, давно уже прекратившихся, общих ужинов мама всегда просила нас набирать на ложку каши немного, на самый кончик ложки, и долго, долго ее жевать. Было у нас и еще одно занятие очень увлекательное – листать толстую книгу „О вкусной и здоровой пище“, кажется так она называлась. Отец подарил ее маме перед самой войной. В ней были красочные великолепные иллюстрации, на которых были изображены плоды наших грез: хлеб, овощи, фрукты, сочное мясо и так далее. Листать ее было для нас большим удовольствием, но и великим

соблазном. Часами мы листали ее, а дойдя до конца, начинали листать сначала.

Я, как более старшая, чувствовала какую-то ответственность за этого тихого смышленного парнишку: мыла его, одевала, поила кипятком, сваренным на времянке. Ходил он уже или еще, – не знаю, как сказать правильнее, – очень плохо, еле-еле переставляя ножками, тоненькими, как плети. На улицу я его с собой не брала, боялась, что он упадет, а тащить его сил у меня не было. Сама же я каждый день выходила из дома, то по своим обязательным делам (булочная и каша), то просто походить по улице, подышать воздухом свежим, памятуя повторяемые каждый день мамой слова: „Помни, Люся, кто ложится, тот не встает, умирает“. А мне так не хотелось умирать! Где-то после Нового года Вовочка уже не приходил ко мне, так как мать, уходя утром на работу, закрывала его в комнате на ключ. Он подходил к двери, стучал, звал, плакал. А что я могла сделать? Поговорю с ним через дверь, почитаю ему и все. Он переставал плакать, чувствуя, что не один. Потом он совсем затих. По утрам я подходила к двери его комнаты, звала, но он не откликался. Вечером приходила его мать и на вопрос моей мамы: „Что с Вовочкой?“ – отвечала: „Лежит“. Так продолжалось до февраля, когда она исчезла совсем, домой больше не приходила. С тех пор мы ее больше не видели. Что с ней случилось? – кто знает? Может где-то упала и замерзла по дороге домой, может попала под обстрел или бомбежку и погибла, может ушла из дома, чтобы никогда туда не возвращаться. Но так или иначе, время шло, а мы не знали, что же с мальчиком. Однажды мама не вытерпела и привела людей из жилищной конторы. Вскрыли дверь и обнаружили два трупа. Представьте себе узкую, длинную, как трамвай, комнату, стены которой покрылись копотью и сыростью, рамы без стекол, холод, как на улице. Всю обстановку комнаты составляли две кровати, стоящие одна против другой, вдоль стен. Вся другая мебель была сожжена для обогрева. Одна из железных кроватей стояла пустая, не застланная и без матраца, на другой возвышалась какая-то гора из тряпья и одеял. Под всей этой грудой лежал трупик Вовочки, а под матрацем, то есть под ним, был еще один труп – его бабушки. Покойных завернули в одеяла и унесли. Умер еще один ленинградский мальчик, так и не дождавшись, когда кашу можно будет есть полной ложкой. Мама и я были потрясены этим событием. Жили мы дружно, помогали друг другу в тяжелое время и мама не могла так вот отдать их чужим людям. Попросила дружинниц, которые подбирали трупы и увозили, чтобы они разрешили ей самой их

похоронить. Они согласились. Вечером мама взяла самодельные дорожки-половики, сделанные когда-то бабушкой Вовы, зашила их в эти дорожки, положила на санки и увезла. В квартире до весны стоял трупный запах. Теперь мы остались в квартире с мамой одни.

В ту блокадную зиму в городе существовал рынок, на котором не покупали, а меняли вещи на хлеб и продукты.

До тепла было еще далеко, а сил оставалось все меньше и меньше. Мама уже не ходила на работу каждый день. Часто оставалась дома. В эти дни мы брали ведра, санки и ехали за водой на Неву. По улице, идущей к Неве, брели измождённые люди, волоча за собой саночки с ведрами. Вода расплескивалась из ведер и тут же замерзала, превращая дорогу в сплошные глыбы льда. Идти было тяжело, но самое страшное было впереди. Набрав из проруби воды, надо было подняться с ведрами наверх, по обледеневшему и довольно крутому берегу, и не расплескать воды, и не поскользнуться. Практически и то и другое с первого раза не удавалось и приходилось повторять это восхождение по два-три раза. Добыв с таким трудом и терпением воду, везли её, как драгоценные сосуды, боясь расплескать хотя бы каплю. Вода была второй ценностью после хлеба и расходовалась очень экономно. Однажды собираемся мы за водой: я иду с ведрами впереди, мама с санками за мной. На лестнице темно. Перед самой парадной дверью я спотыкаюсь обо что-то и падаю – громяхают ведра. Мама открыла парадную дверь и подняла меня. Споткнулась я о трупы, зашитые в одеяла, но это меня ничуть не испугало.

Это уже стало повседневностью, вошло в быт, чувства притупились. Трупов на улицах было много: зашитых в дорожки, одеяла или простыни, брошенных на санках – кто-то вез хоронить, да и сил не хватило, одетых и раздетых, присевших к стене дома отдохнуть и нашедших в пути вечный покой, занесенных снегом так, что из-под него торчали только скрюченные ноги или руки. Уходил человек из дома и не знал, вернется ли обратно. Квартиры уже не закрывались, приходи и бери все, что осталось, чем, кстати говоря, и пользовались те, у кого силы были, но таких было не много. Основная же масса боролась за выживание, кто как мог. Я уже упоминала, что силы свои берегла для прогулок, во время которых собирала хвою. Сотрудники маминой библиотеки нашли в книгах сведения о витаминных свойствах хвои, а это было таким большим подспорьем в ту зиму. Ходить за хвоей было не далеко, на Крестовский остров, но вот собирать её было трудно. Тем

не менее, я наловчилась и стала ломать нижние ветки, складывать их в мешок, а дома отделяла хвою от веток. Из неё мы делали настойку на воде, предварительно измельчив её ножом, а потом в ступе. Настой был очень горьким, терпким, но давал силы. Так вот и таскала я эту хвою раз в неделю, а мама делилась ею с сотрудниками. Мне кажется, что она, если и не спасла нас, то очень помогла выжить. Как бы ни было голодно, но 125 граммов хлеба всё же давали, а тут наступило время, когда и этого скудного кусочка не стало. Хлебозавод перестал работать из-за отсутствия муки, а вернее сырья для приготовления хлеба, так как муки-то в этом хлебе, можно сказать, почти не было. Прихожу утром к булочной – стоит очередь, а дверь закрыта. Из очереди уходить боялись, потому что надеялись, что каждую минуту может подойти машина с хлебом. Но часы и дни шли, а дверь булочной не открывалась и объявления никакого нет – когда будет хлеб – неизвестно. Люди умирали тут же, стоя в очереди. Их никуда не оттаскивали, они лежали, где упали. А мы, ещё живущие, алчно смотрели на дверь и окно: не зажжется ли фитилек в окне, не загремит ли дверной засов. Так по очереди мы с мамой простояли три дня. На четвертый день – уже не хватило сил, не пошли. Мама собрала кое-какие вещи из оставшихся и пошла на рынок, менять их на хлеб. Это был первый и единственный день за всю блокадную зиму, когда встать я не смогла. Был у меня в эту зиму один единственный сон. Мне снился стол, а на нём лежала буханка хлеба, на ней полбуханки, затем четверть буханки и так далее до маленькой крошечки на самом верху. Этот сон меня не отпускал всю зиму – одно и то же каждую ночь. Лежала в забытьи, ждала возвращения мамы. А её всё не было. Уже стал смеркаться короткий зимний день, когда хлопнула входная дверь. Очнулась я от холодного комочка под одеялом – это был кусочек промерзшего хлеба. Он был такой твердый, что мне пришлось его отогреть своим дыханием, чтобы откусить. В этот день у нас был пир. Из сумки мама извлекла диковинные вещи: плитки столярного клея, дуранду (спрессованные отходы от подсолнечных семечек), бутылку олифы. Решено было начать с клея. Его сварили, разлили по тарелкам и поставили остывать. В этот день я этого «лакомства» не получила. Мама решила сначала попробовать его на себе, а потом уже дать мне. Утра я дождалась с большим трудом, но зато утром меня ждал большой кусок „студня“. Убедившись, что этот „студень“ не приносит ничего плохого, мы ввели его в наше повседневное меню, меняя вещи на этот «деликатес». И дуранда

оказалась вполне съедобной. Её мы мололи на мясорубке, делали лепешки, добавляя воду, и жарили на олифе.

Через какое-то время снова стали давать хлеб, но очередей за ним уже не было. Этот перебой в снабжении унес тысячи жизней. Больше всего людей умерло именно в этот период.

Ближе к весне у нас появился неожиданный гость. Как-то вечером в двери постучала женщина и, войдя, сказала, что пришла проведать нас по просьбе моего отца, когда-то работавшего вместе с ней в обкоме партии. Оказалось, что она получила письмо от него с просьбой помочь нам. На столе появился пакет, содержание которого не столько обрадовало, сколько потрясло меня. После клея, дуранды и олифы – настоящая плитка шоколада, сухари белые, галеты и какая-то крупа. Я глазам своим не верила, что это ещё существует на свете. Я заплакала. Сквозь слезы, ничего не видя, я растопила печурку и поставила воду для чая. Мама выпрашивала гостью о письме отца: когда оно пришло, откуда, что он писал. Напоили мы чаем нашу гостью, дали и настойку из хвои. На следующий день варили гречневую кашу-суп. Сидим у печурки, ждем, когда будет готово, а тут обстрел. Уйти, бросить кашу – невозможно, а снаряды бьют по нашему району, совсем близко ложатся. Что делать? Мама остается доваривать, а я ухожу в свой тамбур. Стою в темноте, а мысли все мои у котелка с варевом. Кончился обстрел. Я бегу в комнату, каша уже на столе и тарелки расставлены. Да, а обстрел этот не прошел даром для нашего дома. Один из снарядов, шаркнув по стене дома, влетел в трансформаторную будку, сделав огромную дыру в ней... и не разорвался. Это было чудом, хотя наш дом и получил большую трещину. Если бы он взорвался, то не только от нашего угла, но и от всего дома остались бы только руины – это 500-килограммовый снаряд, как говорили знатоки. Дыру в будке заделали листами фанеры и в таком виде она осталась до моего отъезда из Ленинграда в Таллин в 1959-ом году, напоминая мне тот день и гречневую кашу.

Нормы хлеба стали понемногу увеличивать. Холода спадали, становилось светлее, приближалась весна, а с ней пробуждалась и надежда.

ВЕСНА

Весна несла с собой не только радость избавления от холода и темноты, но и решение жизненно важных проблем очистки города. Я уже упоминала о том, что на улицах, площадях, в переулках было много трупов. Зимой, когда один мороз Рождественский сменялся другим, ещё более жестоким Крещенским, это было не опасно. Но с приходом тепла – это грозило вспышкой эпидемии. Кроме того, все нечистоты зимой выбрасывались на улицы. Можете себе представить, что бы произошло в городе под теплыми весенними лучами солнца. Дворники ходили по квартирам и приглашали всех тех, кто был в состоянии, выйти на сколку льда с нечистотами. На каждой улице, у каждого дома собирались маленькие группки существ, уже мало похожих на людей, одетых в грязные, изношенные одежды, истощенные до предела, еле держащиеся на ногах, с закопченными лицами. На них уже действовали не угрозы дворников, что они не получат хлебных карточек, – они уже пережили голодную зиму, ими руководил страх, который назывался эпидемией. Никому, выжившему, не хотелось умирать теперь, когда была хоть какая-то слабая надежда на выживание, а, кроме того, за эту работу давали повышенную хлебную норму. Уборкой трупов занимались дружинницы из военизированных отрядов. Они объезжали городские улицы на машинах и подбирали их, забрасывая в кузова машин, как туши, кое-как прикрыв брезентом, и свозили на окраины города. В нашем районе их сгружали рядом с Серафимовским кладбищем в огромные траншеи. Нагружали машины до верху, что называется с горкой. Брезент на ветру развевался, и из кузова были видны скрюченные голые ноги, руки, головы. Почему-то трупы все были голые. Жуткое это было зрелище, даже после всего виденного и пережитого.

Приблизительно в это же время, когда началась уборка города, были организованы для детей уроки в школе. Школой служило бомбоубежище. „Уроки“... Это, конечно, было только одно название. Их не было. Мы читали, рисовали, рассматривали картинки в книжках, а самое главное, знакомились. Говорят: „Одиночество – удел сильных“, а мы были и слабы, и разбросаны, разрознены по всему району. Мы нуждались в поддержке друг друга, ведь многие остались без родных и близких им людей. Эти „школьные уроки“ продолжались не долго –

месяца полтора, но нам хватило этого времени, чтобы сдружиться и образовать дружную компанию, которая просуществовала до июля 1942 года, когда снова начали эвакуацию. Когда мы стали не „школьными“, а „вольными“ детьми, снова предоставленными сами себе и случаю, то совершали совместные прогулки в надежде найти что-то съестное. В конце улицы Ленина (бывшая улица Широкая) находился хлебозавод. Зная, что машины за хлебом приходят рано утром, мы приходили к нему и, как обезьяны, повисали на металлической решетке, ограждающей завод со стороны улицы. Хлебный запах нас пьянил. Каждую машину, нагруженную хлебом и выезжающую из ворот завода, мы встречали с молчаливой просьбой в глазах и надеждой, глядя на ящики с хлебом. Но машины проезжали мимо нас, а мы всё ждали, вдыхая запах свежеспеченного хлеба. В конце концов, мы то ли надоели сторожу, открывавшему ворота машинам, то ли он не мог больше видеть наших алчущих, голодных глаз, он вышел к нам и сказал: „Что вы здесь торчите и теряете время. Хлеб дают в новом здании Печатного Двора“. И мы, – о, доверчивые детские души! – ринулись гурьбой туда. Бежали задыхаясь, обгоняя друг друга – только бы не опоздать, только бы успеть, ведь там дают хлеб. Но, как вы уже, вероятно, догадались, никто и никому никакого хлеба на Печатном Дворе не давал. Мы не могли сразу поверить в такой коварный обман. Только обежав несколько раз и новое и старое здание Печатного Двора, и заглянув во все двери и закоулки, мы поняли – нас жестоко обманули. Это открытие нас так потрясло, что мы о нем даже не проронили ни слова и, не сговариваясь, больше никогда не подходили к заводу. Обман после такой зимы, в которую мы, дети, выжили, казался чудовищным. Стало ясно нам, что помощи от взрослых ждать нечего, надо рассчитывать на свои силы. И тогда, – а это был уже май или начало июня, мы стали собирать траву. За эту блокадную зиму я довольно хорошо познакомилась со съедобными травами, о которых узнавала из приносимых мамой из библиотеки книг и атласов. „Косили“ мы, как выражалась мама, всё подряд: лебеду, щавель, мать и мачеху, крапиву, примулу, одуванчики, молодые листья березы и много, много других трав. Кстати, тогда же мама выискала рецепт вина из одуванчиков, и, спустя много лет, я его делала. Собирали и прошлогодние желуди. Сначала взялись с энтузиазмом, но потом наша компания, состоявшая, в основном, из девочек восьми-девяти лет и двух мальчиков помладше, распалась. Я же так увлеклась этими сборами, что собранной травы хватало не только нам, но и отдавали её

знакомым и маминым сослуживцам. Сбору травы способствовало и расположение нашего дома – масса пустырей, а рядом за мостом Крестовский остров, сплошь состоящий из зеленых массивов. Травное меню было обширное: из лебеды делали котлеты, крапива и щавель шли на суп, одуванчики и примулу ели сырыми или делали салат, заливая его олифой, из листьев березы настаивали чай. Не забывали и хвою. Одним словом, жизнь стала сытнее. Помню свой детский грех. Как-то принесла я из магазина полученные по карточкам соевые конфеты – коричневая сладкая масса, разделенная на узкие полоски, без бумажной обертки. Это были первые конфеты после осени 41-го года. Мама их пересчитала и, как всегда, разделила по дням. Всё, что появлялось в доме съестного, находилось в буфете, который никогда не закрывался, даже в голодную зиму. Я, как кот вокруг масла, ходила около буфета, но открыть и взять – не решалась. Не хотела огорчать маму. Но голодный детский ум изобретателен. Как сделать, чтобы и количество конфет осталось тем же, и все-таки полакомиться ими? Выход был найден. Надо от каждой конфетки отрезать по равному, очень маленькому кусочку, что я и сделала. Конечно же мама это заметила, но мне ничего не сказала. Так вот трагическое соседствовало с комическим.

Город уже очистился, разобрали разрушенные дома, зазеленела трава, листва садов и парков. То тут, то там можно было теперь увидеть отогревающихся на весеннем солнышке, измученных лютой зимой людей. Одни были страшно опухшими, отечными, с глазами-щелочками, а ноги больше были похожи на бревна, другие, наоборот, – кожа да кости. Сейчас, когда я вижу по телевизору голодающих в Эфиопии, я вспоминаю блокадных детей Ленинграда. Они были такими же.

С появлением травы, – а её собирали по всему городу, где меньше, где больше, – прекратились голодные поносы, которые истощали уже и так подорванный организм. Детишек, пораженных голодным параличом, выносили на воздух, на солнце, учили заново ходить. Одна зима была уже позади, но люди с началом тепла уже думали о том, что им принесет зима будущая. Конца войне не было видно. На предприятиях, в жилищных конторах выдавали по щепотке семян и по несколько глазков картошки для посадки на пустырях города, которых было достаточно, в садах, парках и во дворах. Летом весь город превратился в сплошные грядки с овощами. Каждый имел свой крохотный участок. Был он и у нас. Находился он в Петропавловской крепости, где к тому времени снова работала мама. Грядки были разбиты прямо в ограде

Собора, а в самом Соборе, в подвале, находились книги Публичной библиотеки имени Салтыкова-Щедрина, частично свезенные сюда в самом начале войны. Посадить-то огород мы посадили, но урожая не дождались. В это время возникла возможность эвакуироваться из Ленинграда и мама, помня прошлую зиму, решила на отъезд. Для нас блокада закончилась.

Впереди ждала нас жизнь, полная тревог, потерь, болезней, долгий путь в телячьих вагонах, сначала в Нальчик, а затем в Киргизию, в маленький город Кант и, наконец, возвращение в Ленинград в мае 44-го года. Но жизнь в эвакуации это другая тема, другой рассказ, хотя и связанный с войной, и имевший свои трудности.

* * *

Прошу читателя принять мой рассказ не как исторический очерк о блокаде Ленинграда, но как сумму личных впечатлений об этом страшном времени.

Хочется подвести некоторые печальные итоги блокадной трагедии Ленинграда.

К моменту снятия блокады советскими войсками в январе 1944-го года в городе оставалось в живых, по советским данным, около 700 тысяч человек. До войны, т.е. на январь 1939-го года в Ленинграде жило 3,1 миллиона человек. Советские источники утверждают, что за время блокады было эвакуировано 900 тысяч человек или около этого. По мнению многих авторитетных очевидцев блокады, эта цифра сильно завышена. Из города могло быть эвакуировано, в лучшем случае, 400-500 тысяч человек. Но если даже принять за основу советские данные, то около **1,5 миллиона** жителей Ленинграда погибло от голода, холода, болезней и боевых действий.

Таким образом, по потерям мирного населения, Ленинград является наиболее многострадальным городом 2-ой мировой войны.

Кто же виноват в превращении Ленинграда-Петербурга, бывшей столицы Российского государства, в такое гигантское кладбище?

Предпосылкой к этому было, прежде всего, решение советского правительства любой, даже самой бесчеловечной ценой, отстоять Ленинград – „колыбель Октябрьской революции“, как его помпезно называет советская пропаганда. Видно не столько военные, сколько политические и престижные соображения сыграли главную роль в принятии этого решения.

Но после принятия этого решения основная масса населения Ленинграда оказалась, по сути дела, брошенной на произвол судьбы. Во-первых, главные продовольственные запасы города хранились централизованно, в основном, на Бадаевских складах, которые немецкая авиация разбомбила ещё в начале августа 1941-го года, и население было обречено на голодную смерть. Не было отдано распоряжение рассредоточить продовольственные запасы по многочисленным складам, хлебозаводам и магазинам города, что сохранило бы жизни сотням тысяч людей.

Во-вторых, советское руководство оказалось не в состоянии или просто не позаботилось о своевременной и достаточной эвакуации гражданского населения города, в первую очередь, вывозя рабочих, специалистов и руководителей производства. В результате этого в городе смерть настигала прежде всего оставленных там женщин, стариков и детей. По сей день как между пережившими блокаду, так и в более молодом поколении идет спор: надо ли было отстаивать город до конца и обречь на смерть 1,5 миллиона человек?

Или надо было объявить его из человеческих соображений „открытым городом“, как Париж в мае 1940 года перед вступлением немецких войск и в июле 1944-го года перед вступлением англо-американских войск, эвакуировав из Ленинграда ту часть населения, которой угрожали бы преследования немецких властей?

Спор этот не решен и по сей день.

Можно предположить, что равнодушие советского правительства к судьбе гражданского населения города было обусловлено ещё и тем, что Ленинград был городом, где больше всего сохранилась старая интеллигенция, представители прежних привилегированных классов да и простых горожан, хорошо помнящих царскую Россию и подлинную историю Октябрьской революции.

Следует указать на еще одну вину советского правительства. В послевоенные годы советское руководство очень мало сделало для социального и бытового устройства лиц, чудом переживших блокаду. Они оказались брошенными на произвол судьбы во второй раз, но теперь уже в мирное время. Это было особенно жестоко по отношению к детям блокадникам.

Как бы то ни было, но несчастному Петербургу-Ленинграду понадобилось почти четверть века, т.е. целое поколение, чтобы восстановить довоенную численность населения (в январе 1964-го года в Ленинграде проживало 3,2 миллиона человек).

Жестокая трагедия жертв ленинградской блокады – это ещё одно, не до конца раскрытое преступление сталинского руководства и предостерегающий урок для всего человечества.

Людмила с родителями – отцом Ильём Кирилловичем и матерью Ксенией Петровной. Ленинград 1936 г.

ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ ЛЮДМИЛЫ РОСЛАВЦЕВОЙ

Ввиду необычайной судьбы и выдающейся роли, которую Людмила Рославцева, в течении почти четверти века, играла в моей жизни, борьбе и творчестве, а также из-за её вклада в дело оказания помощи политзаключенным и распространения материалов Самиздата, я считаю своим долгом коснуться некоторых обстоятельств её жизни.

Людмила Ильинична Рославцева родилась 11 июля 1932 года на Петроградской стороне Ленинграда. Её отец, Илья Кириллович Ковбаса родился в августе 1906 года в селе Акимовка, Мелитопольского р-на УССР в семье, состоявшей из 16 братьев и сестер. Главой этой многодетной семьи был Кирилл Иванович Ковбаса, род. 1882, православный грек, бережно хранивший Священное Писание на греческом языке. Чтобы прокормить большую семью дед много и тяжело работал, занимаясь земледелием, рыбной ловлей и пошивом обуви. Заботливой матерью семейства была Марфа Тихоновна Ковбаса, рожд. в 1885 г., по происхождению украинка. В начале 20-ых годов, увлеченный романтикой тех лет, их сын Илья вступает в комсомол и уходит из дома. С большим трудом он добирается до Ленинграда, с намерением поступить учиться. В Ленинграде он поступает рабочим на трикотажную фабрику „Красное Знамя“, становится здесь комсомольским активистом и поступает учиться на рабфак. На этом же заводе он знакомится с юной и очаровательной Ксенией. Знакомство скоро переходит в горячую любовь и судьбы их соединяются.

Ксения Петровна Рославцева, будущая мать Людмилы, родилась в 1906г. в Ленинграде. Её отец, Пётр Рославцев был талантливым художником – реставратором. Видимо, от него Людмила унаследовала свои художественные способности. Хозяйкой в доме была бабушка Александра, хорошая рукодельница и страстная любительница театра. И эти свойства сполна унаследует Людмила.

Ксения была младшим ребенком в семье. У неё был также брат Петр, род. в 1903 г., и сестра Мария, род. в 1901 году. В 1912 г. в семье случилось большое несчастье. Дед Людмилы, реставрируя внутреннюю роспись Казанской церкви в Петербурге, свалился с подмостков и разбился насмерть.

Это было первым, но не последним большим несчастьем семьи. 11 июля 1932 у Ксении и Ильи родилась дочь, названная очень символично Людмилой /т.е. милая людям/. Илья, делающий успешную комсомольскую и, затем, партийную карьеру, вскоре переходит работать в Обком партии Ленинграда. В старом „господском“ доме на улице Пудожской ему вскоре выделяют большую комнату, где молодая семья, покинув гостеприимный родительский кров, начинает жить. Ксения Петровна в эти годы заканчивает Сельскохозяйственную Академию и в предвоенные годы начинает работать в Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Илья Кириллович в эти годы поступил учиться в Педагогический институт им. Герцена. В 1939 году, во времена сталинского террора, на всю семью обрушилась новая, страшная беда. Петр, брат Ксении Петровны, увлекающийся футболом и работавший шофером в Обкоме партии, был вдруг по ложному обвинению объявлен „врагом народа“ и осужден Особым Совещанием НКВД.

15 лет своей жизни отдаст он лагерям Печорлага. Выйдя в 1954 г. из заключения в ссылку, он вскоре умирает. Бабушка, как мать „врага народа“, была выслана из Ленинграда и умерла в ссылке. Марию, которая вышла замуж за инженера химика и проживала в Москве, преследования не коснулись. Ксению Петровну, как родственницу „врага народа“, исключили из партии. Илью Кирилловича по той же причине сослали в ссылку в Мурманск, где он работал завклубом. В ссылку же вскоре добровольно последовала и жена вместе с 7-и летней Людмилой. Жилую площадь в Ленинграде, однако, удалось сохранить.

22 июня, в день начала войны, Ксения Петровна и Илья Кириллович вместе с Людмилой находились в отпуске в Ленинграде. Отца вскоре мобилизовали политработником на фронт, а Людмила с матерью осталась в Ленинграде. Впоследствии они оба переживут все ужасы голода и холода, обстрелов и бомбежек в окруженном германскими войсками Ленинграде. /Людмила подробно вспоминает это страшное время в своем очерке в „В клещах голодной смерти“./ Чудом выжив в самую ужасную, первую блокадную зиму, их обоих летом 1942 года эвакуируют в Среднюю Азию.

После двух месяцев изнурительного пути их привозят в окрестности города Канта в Киргизской ССР, где работал единственный в то время сахарный комбинат. Их поселяют с одной другой семьей в небольшой комнате в доме барачного типа. Мать Людмилы начинает работать на плантациях сахарной свеклы в совхозе. Казалось бы спасены, хотя неустроены и полуголодны! Но тут приходит новая беда. Купаясь в арыке около аула, Людмила заражается страшной болезнью – детским параличом /полимиэлитом/. Изнуренный блокадой организм маленькой девочки начинает смертельную борьбу с тяжелым недугом. Полимиэлит, как известно, сопровождается страшными болями, температурой, неподвижностью рук и ног. В этой схватке со смертью Людмила победила, хотя последствия болезни она будет ощущать всю свою жизнь. Её спасли, её собственная воля к жизни, забота матери, внимание людей и – конечно же – чудо Господнее! Но болезнь, в её острой форме, протекала все же целых 2 года, 24 месяца!

В 1944 году Людмила вместе с матерью возвращаются в Ленинград, освобожденный от блокады. Людмила, преодолевая страдания, начинает посещать школу, её мать продолжает работать в Публичной библиотеке.

Но пришла новая беда, и с неожиданной стороны! Оттуда, откуда её никто не ждал. Илья Кириллович, находясь после фронта в госпитале, знакомится там с другой женщиной. И в конце войны, после тяжелого объяснения с Ксенией Петровной, навсегда уходит из семьи, чтобы завести новую. Следует сказать, что не только новая привязанность влияла на это, видимо, нелегкое для него решение. Но и нежелание ставить свою послевоенную карьеру под удар. Он явно не хотел всю жизнь быть связанным с сестрой „врага народа“. И карьеру он действительно делал успешно. Войну окончил в чине подполковника, был советском военным атташе в Праге, адъютантом маршала Жукова,

когда тот командовал Уральским военным округом, преподавателем Военно-Воздушной Академии в Харькове. И всё же, кроме карьеризма, догматической убежденности и неблагородного поступка в отношении Ксении Петровны, в нем было и много положительного. Он был примерным и заботливым семьянином, лично честен и прост в быту, всегда аккуратен, подтянут и дисциплинирован, не пил, не курил и не сквернословил. Ни на кого не доносил. И всё же погубил душу. Все эти хорошие качества унаследовала и Люся.

Ксения Петровна горячо любила своего мужа и ждала его всю войну. Она была однолюбом и разрыв с мужем душевно полностью надломил её. Семейная драма надорвала её силы и отняла желание жить, уничтожила веру в любовь. Упадок душевных сил резко сказался на здоровье. И вскоре она тяжело заболевает раком груди. После страшных мук и страданий она 27. декабря 1947 умирает. Надо ли говорить, что долгие страдания и мучительная смерть матери, связанное с этим горе и заботы, были новым, страшным потрясением для 15-ти летней девочки. Все это надо было совмещать ещё и с учебой. Так в 15 лет Людмила оказалась совершенно одной, брошенной на произвол судьбы. Любимой матери больше не было. А у отца была теперь своя семья.

И Людмила одна, мужественно и стойко, опираясь на свою огромную волю к жизни и немалые способности, начинает борьбу за жизнь. Она поступает уборщицей в библиотеку и одновременно учится на вечернем отделении библиотечного техникума. После окончания последнего, начинает работать библиотекарем в Батенинской библиотеке. Затем, по упорному настоянию отца, она поступает на заочное отделение Библиотечного института им. Н. Крупской, которое в 1959 году заканчивает. В 1959-1960 она работает библиотекарем в знаменитой Потемкинской библиотеке в Таврическом дворце, где когда-то заседала Дума и открылось Учредительное Собрание.

В 1960 году она обменивает свою комнату в Ленинграде и переезжает в Таллинн, начиная жить в маленькой квартире на улице Лембиту. Здесь она работает в ряде библиотек города, но с 1964 года начинает работать диспетчером в Таллиннском торговом порту.

Думала ли, догадывалась ли она, что именно в этом городе произойдут новые драматические повороты её судьбы, что именно здесь грянут новые горестные события её жизни.

Эти горестные события потребуют от неё нового мужества и новой мудрости. Они потребуют исполнения долга и нерушимой верности, светлой веры и материнской любви. Они потребуют от неё благородства души и большого, очень большого сердца.

Все это принесла она в дар близким ей людям. Всё это подарила она и дальним, страдающим жизням.

Печатая эти строки, мне трудно удержаться от слез благодарности. . .

По какому-то непостижимому замыслу Господнему надо было, чтобы при загадочных обстоятельствах мы встретились именно в этом городе, чтобы наши жизни и сердца соединились воедино. В этом видится данность свыше. В этом видится щедрый и незаслуженный Божественный подарок. В помощь и во имя исполнения дела Господнего на земле.

Отныне все, что будет связано с моей неладно и нещадно закрученной судьбой, ляжет бременем – нет, двойным и тройным бременем! и на ее хрупкие плечи.

Моё 3-х летнее ночное творчество, 6-ти летняя подпольная борьба и снова напряженная работа, увольнение из Политехнического института, постоянная слежка КГБ, обыски и допросы, арест и суд, 6-ти летнее заключение в мордовских лагерях, арест и суд над нашим сыном, его 5-ти летнее заключение, посылки, письма, запросы, протесты, поездки на свидания к заключенному мужу и сыну, участие в деятельности Солженицынского фонда помощи политзаключенным, посылки и письма многочисленным политзаключенным, помощь их семьям и родным, новые обыски и допросы её самой, угрозы ареста и увольнение с работы и многое, многое другое. В 1981 г. я вышел из заключения. Конец трудностям и бедам? Нет, их новое начало. Лишение нас обоих советского гражданства, изгнание за границу, разобщение с сыном и родными, неустроенность и безработица на чужбине, моя изломанная психика, напряженная работа, трудное начало новой жизни за границей, моя сердечно-сосудистая болезнь, сумеречные перспективы, и так видимо суждено до самого конца жизни. . .

Этих бед и несчастий с лихвой хватило бы на многие жизни на нашей безрадостной земле. Но это тяжелое бремя, возложенное Господом, уже более полвека достойно выносят хрупкие плечи маленькой женщины с

очень большой и щедрой душой, самого дорогого и любимого мною существа.

7 марта 1985, Мюнхен, 22.ч.15м.

* * *

Со времени написания этих строк прошли многие годы, полные бурных перемен и поразительных событий... Бурлил Запад, в России прогремела перестройка, советская система, наконец, рухнула, Германия воссоединилась, Горбачева давно уже сменил Ельцин. Срок полномочий последнего тоже скоро истекает... Многих общественных деятелей, многих наших друзей и знакомых уже унесла с собой Вечность. Наши судьбы также оказались насыщенными событиями, о которых автор, если Господь отпустит время, ещё подробно расскажет... Но думала ли, гадала Людмила, что именно здесь, в мирной и благополучной Германии её ожидают такие потрясения, что одно из них едва не стоило ей жизни. И она снова вынесла их стойко, храбро и мудро... Когда незадолго до подготовки данного издания Людмила достигла круглой даты своей жизни, то в саду её сельского уединения была установлена маленькая мраморная статуя прекрасной античной женщины. Эта статуя была задумана и как скромный, прижизненный, символический памятник её большой, достойной, монументально красивой жизни! Но чует сердце автора, что будущее принесет нашим судьбам лишь новые беды и катастрофы. Уповаю лишь на Мудрость и Милость Господню!

Франкфурт/Майн, ноябрь 1997г.